

Милена Завойчинская

Оранжевый цвет радуги

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Annotation

Каково это, проснуться однажды в незнакомом месте и осознать, что ты не помнишь ни своего имени, ни кто ты, ни откуда родом? А первое встреченное существо, похожее на человека весьма отдаленно, сообщает тебе, что ты рабыня и «оранжевый цвет радуги», так как у тебя рыжие волосы. И, возможно, ты вообще – клон!

Так произошло с Элишке. Это имя ей дали окружающие ее нелюди. Попытки вспомнить о себе хоть что-то ничего не дают, приходится девушке смириться с ситуацией и затаиться в надежде, что память вернется позднее и все наладится. Воспользовавшись подвернувшейся возможностью, она сбегает от работорговца в компании такой же рабыни. Несладок побег, но лучше уж так, чем безропотно ждать, когда твою судьбу решат за тебя. Элишке подбирают пролетающие мимо планеты ученые, направляющиеся в далекую научную экспедицию. И уже в ином окружении, в новой роли ей предстоит восстановить свою личность, вспомнить все и обрести счастье, казалось бы невозможное. Ведь она человек, а вокруг представители только других рас.

Милена Завойчинская

Оранжевый цвет радуги

У котов есть такое свойство: стоит им появиться в доме, как оказывается, что они были здесь всегда – даже если час назад никаких котов у вас не было. Они живут в собственном временном потоке и ведут себя так, будто мир людей – это всего лишь остановка на пути к чему-то гораздо более интересному.

Терри Пратчетт

Глава 1

После обеда начался самум, который все еще длился. Такое часто бывало в этой местности. Сильный шквальный ветер нес тучи песка, полностью скрывая вид на пустыню. Немногочисленные местные жители из obsługi называли его поэтично – «Кровавый вал». И я соглашалась с ними. Потрясающая воображение волна красного песка, которая захлестывала защитный купол целиком, выглядела именно валом. Кроваво-красный поток обхватывал, практически обволакивал, невидимую тонкую стену, оберегающую нас от его смертельных объятий. Песчинки не попадали внутрь, обтекая купол по бокам и сверху, но в те дни, когда бесчинствовал самум, в нашем оазисе становилось темно. Даже безжалостное солнце пустыни не могло пробить своими обжигающими лучами эту плотную завесу.

В такие дни, как сегодня, я обычно оставалась в помещении. Но при ясной погоде всегда уходила на окраину оазиса, чтобы смотреть на вид, открывающийся за его пределами. Ведь бездумное любование уходящими за горизонт барханами было единственным развлечением в бесконечной череде одинаковых дней. Не то чтобы мне нравилось рассматривать пустыню, ведь, в сущности, на что там любоваться? Песок, песок, песок... То ли дело зеленый оазис, в котором мы жили. Небольшой, но довольно уютный, с пальмами и маленьким ключом, бившим в выложенной камнями чаше. Да, это был единственный островок жизни на многие километры вокруг, но... Это была клетка. Небольшая клетка для всех нас, волей судьбы имевших подходящую для пленения внешность. То место, откуда мы не могли выбраться на свободу.

Свобода... Я часто думала над этим словом. Оно манило чем-то неведомым, сладко ощущалось на языке. Казалось, если я сумею вырваться отсюда, то непременно обрету в жизни нечто важное. Смогу заняться чем-то еще, кроме ожидания неизбежного, опостылевших прогулок по замкнутому пространству внутри купола, обязательных для девушек занятий эротическими танцами и уроков, на которых обучали красиво и чувственно раздеваться. Если стану вольной, то мне удастся увидеть новых существ, познакомиться с ними и узнать... Сложно сказать, что именно я хотела узнать. Все! Только это всеобъемлющее слово могло описать ту жажду, которую я испытывала. Я хотела всего! Именно этого может желать тот, у кого нет ничего. Вообще ничего, кроме собственного тела. Нет даже понимания – кто он? Откуда? Были ли у него семья и родители? Или же он один из клонов? Тех, которые выходили из капсул-инкубаторов уже взрослыми, с заложенными в мозги сознанием и некоторой базой знаний.

Про клонов я узнала случайно от одной из шираки. Эта старая женщина дорожила работой в оазисе и выполняла свои обязанности старательно, в отличие от трех ее молодых товарок. Те надеялись со временем переехать в какое-нибудь из крупных поселений и воспринимали пребывание здесь как временное. А потому... Да и к нам они относились презрительно, в отличие от жалевшей нас Машшалы. Прочие служанки вели себя с нами как с товаром. Ведь именно им мы и были. Товар! Все мы являлись рабынями. Красивыми, молодыми, лишившимися всего *рабынями*, ожидающими, когда нас выставят на торги. И я была одной из них. Впрочем, какими бы бесправными ни чувствовали себя девушки, к шираки они относились с неменьшим снисходительным презрением. Боялись и ненавидели только хозяина.

– Элишше, – прошелестел голос за моей спиной. – Ты опять шмотришь на пушгыню? Ничего ведь не видно. Кровавый вал хорошо прячет то, что желает шкрыть от любопытных глаз.

– Привет, Машшала, – улыбнулась я старой служанке и пожала плечами. – Смотрю, пусть и не на что. Решила сегодня сделать исключение и прогуляться, хотя действительно ничего не видно. А чем еще заниматься?

– Пошиди ш девушками. Шкоро ведь рашшганетешь. Что глаза портить, глядя на то, что приношшит шамум? – говорила она, как и все шираки, смешно шепелявя и не выговаривая букву «с».

– Скучно, Машшала. Ну о чем нам говорить? Целыми днями мозолим друг другу глаза. Девушки нервничают и из-за этого срываются на ссоры. Считаю, что я сбежала от них.

– Ничего, милая. Шкоро уже Большие торги, и ты тоже уедешь отшюда, – погладила она меня по руке и оглянулась проверить, не заметил ли кто ее вольности.

Прислуге было запрещено тесно сходитьсся с рабынями, но Машшала нарушала этот закон в отношении меня. И я с симпатией воспринимала странное, такое непохожее на меня существо, ценя доброту. Когда она делала уборку в моей комнатке и мы оказывались наедине, я с удовольствием с ней общалась.

– Вот это-то и пугает. Не знаю, как сложится моя дальнейшая жизнь. Что там, за стенами купола? Кто меня купит? – сказала я.

– Ты крашвая по гуманоидным меркам, Элишше. К тому же ты – редкий цвет. Тебя шможет купить только очень обешпеченный мушщина. А значит, жить ты будешь в богатшве и неге. Хорошая еда, крашвая одежда, мушщина рядом. Тот, который не пожалеет за тебя целое шощгояние. Чего еще желать девушке?

– Чего еще желать? – Я тоскливо посмотрела в сторону пустыни. Сейчас, во время самума, ничего видно не было, но я знала, что где-то там, где заканчивалась власть смертоносного ветра, шла другая жизнь. Та, в которой я могла бы быть свободной. – Уж точно не рабства, Машшала. Хотела бы знать, кто я, откуда и что могла бы иметь, если бы не оказалась в руках Патагеша.

– Шмиришь, Элишше. Что ты рвешь себе душу? Радуйша тому, что ты такой редкий цвет. И я тебе уже говорила, ты, шкорее вшего, клон. Только они ничего не знают о швоем прошлом. У них его нет. Но при этом им вводят почти полную базу знаний об окружающем мире. Как раз твой шлучай. Ты знаешь практичешки вше, кроме швоего прошлого.

– Ну да, – хмыкнула я. – Спасибо, Машшала. Ты хорошая! Только не могу я радоваться тому, что я – клон редкого цвета. – Меня передернуло от отвращения к самой себе.

Мы с ней уже не впервые пытались понять, кто я и откуда. Я ведь ничего не знала и не помнила о себе и о своей жизни до того момента, когда однажды проснулась в оазисе.

В одно далеко не прекрасное утро, месяц назад, я открыла глаза и обнаружила себя на узкой лежанке, сложенной из глины и застланной тонким матрасом. Не хочу вспоминать свои первые шок, панику, непонимание того, где я и как тут очутилась. Ту истерику, которая накатила, когда поняла, что не помню даже своего имени. То, как перепугалась, увидев вошедшее в мою комнату существо, покрытое чешуей и назвавшее меня «Элишше». Ощутила тогда, что это имя явно не мое. Не могло такого быть, чтобы меня звали – *так!* Не хотелось вспоминать мои первые часы и дни в этом месте. Ужас от осознания того, что я чья-то собственность... Это потом я смирилась и приняла реальность. А тогда, в первый момент,

было страшно обнаружить, что непонятно отчего я оказалась в крошечной комнатухе со скудной обстановкой – лежанка, тумбочка и стул. Больше ничего...

Как обнаружилось, наш хозяин не считал нужным тратить на то, чтобы хорошо обставлять спальни для рабынь. Уединиться можно, и хватит. Он и отдельные помещения нам не выделял бы, но тут уж сыграла свою роль его жадность. Девушки порой выясняли между собой отношения не самым миролюбивым способом. Доходило до жестоких потасовок. Учитывая же, что все они были разных рас, а некоторые обладали способностями к частичной трансформации...

Хозяин не хотел, чтобы его товар портился. Сам он наказывал провинившихся жестко, болезненно, но без последствий для здоровья и внешности: несколько ударов энергетическим хлыстом, несколько дней в карцере – сухом и жарком, в крошечной темноте. Но в еде и воде не ограничивал, ведь ему нужно было продать нас с максимальной выгодой, так что питались мы нормально, дабы сохранить товарный вид. За этим строго следили, и отказываться от еды было чревато. И хотя кормили совсем простой пищей, без малейшего разнообразия, но испорченных продуктов нам не давали.

Я тоже один раз побывала в карцере и оценила его прелести. А также на своей шкуре испытала всю гамму ощущений от ударов энергетическим хлыстом. До сих пор вздрагивала при воспоминании об этом. Нет, я ни с кем из других рабынь не дралась и не ссорилась. Инстинкт самосохранения предостерегал от подобного. Но поначалу пыталась бастовать и требовать, чтобы меня освободили, объявила голодовку. Ну что сказать? Патагеш не первый год торговал гаремными рабынями и хорошо умел усмирять норовистых девиц любых рас.

Возвращаясь к моим умениям... Я ничего не могла. Судя по всему, была я человеком, причем чистокровным, учитывая цвет волос. Только люди не имели никаких способностей к физическим трансформациям и не обладали сильными экстрасенсорными способностями (если у кого и имелись, то сравнительно слабенькие). У меня же каких-либо способностей не было вообще, ни сильных, ни слабых. Патагеш проверял... Но Машшала уверяла, что я не могла быть свободной до того, как стала собственностью торговца. Планета, которую населяли чистокровные люди, располагалась далеко отсюда, на самом краю галактики, и не входила в Объединенный Союз. Соответственно, она относилась к тем, с которых запрещалось вывозить жителей. Нечего им было делать в развитых мирах, не доросли. Выхода в дальний космос население той планеты не имело, так что украсть меня с какого-нибудь транспланетного лайнера космические пираты также не могли. А организовать подпольные поставки рабынь из подобного отдаленного мира? Да с учетом запрета на вывоз населения? Нет, Патагеш не смог бы организовать столь сложный бизнес. Ну и, кроме того... Он, конечно, был самым известным и богатым торговцем радугой (по словам Машшалы) и не упустил бы возможности получать товар в виде девушек подходящих цветов. Но этот нелепый, толстый ящероподобный самец-шираки, любитель плотно покушать, буквально нюхом чувствовал опасность.

Неужели я действительно клон? Если принять эту жуткую мысль как факт, то... Интересно, кто та девушка, внешность и тело которой я получила? На вид мне лет семнадцать-восемнадцать. Но по внутренним ощущениям – гораздо больше, и это тоже вносило диссонанс в восприятие себя как личности. Юное симпатичное лицо с веснушками, рассыпавшимися на носу, большие ярко-голубые глаза, ниспадающие ниже талии огненно-рыжие кудри густых пушистых волос, более темные, почти коричневые брови и ресницы, стройная фигура... Именно таким богатством я обладала. Точнее, обладал им Патагеш, мой

хозяин.

Не сразу мне удалось выяснить, при чем тут радуга, гаремы... Все оказалось просто до банального. Семь цветов радуги и девушки с волосами одного из этих семи оттенков. Остальное тоже элементарно. Богатые мужчины хотели иметь гаремы. Не важно, какой ценой. Когда затраты останавливали материально обеспеченных и обладающих властью мужчин? Так вот. Самым шиком считался гарем, отличающийся не количеством девушек, а их качеством. Не каждый мог позволить себе иметь полную радугу. Семь столь разных внешне девушек...

А я была оранжевым цветом, являясь обладательницей невероятно редкого рыжего цвета волос. Ген, отвечающий за этот оттенок, встречался только у чистокровных людей. В Объединенном Союзе их почти не осталось, и даже на той далекой планете, где проживали только люди и названия которой Машшала не знала, сложно было найти по-настоящему рыжую девушку. В Союзе же слишком часто заключались межрасовые браки, в которых дети крайне редко наследовали гены родителя-человека, а уж рецессивный рыжий ген у рожденных в таких семьях людей не проявлялся вообще. Из чего опять следовал вывод, что я – клон.

Патагеш собирался продать меня с максимальной выгодой, только поэтому я провела в оазисе, на его тайной базе, почти месяц. Продавец радуги ждал Больших торгов, проходящих раз в полгода. Туда должны были съехаться самые богатые существа со всего Объединенного Союза, в том числе короли теневого и подпольного мира, политики, обладающие такой властью, что не боялись ничего и никого. И именно по этой причине хозяин особенно берег мое тело. За мной строго следили и не допускали, чтобы в ссоре с другими рабынями мне нанесли хотя бы царапину.

Я отвлеклась от размышлений о своей судьбе и, приобняв шираки, погладила ее по плечу. Служанки носили некое подобие сарафанов с открытыми плечами, спиной и руками, так как им не было нужды прятать кожу от обжигающих солнечных лучей. Ладонка скользнула по чешуе, и та чуть оцарапала меня. Похоже, у Машшалы скоро начнется линька, так как несколько чешуек прилипли к моей коже.

А когда я отодвинулась от нее, увидела, что она часто моргает. Как и у всех представителей расы шираки, напоминающих человекообразных ящериц (ну или ящерицеобразных людей, это уж как посмотреть), у нее были плотные кожистые веки без ресниц. Когда я впервые увидела служанку шираки, проснувшись в своей комнате, – заорала от испуга. Потом привыкла и перестала бояться. Наоборот, с интересом наблюдала за плавными текучими движениями, за пластичной грацией этих юрких сухощавых существ. Совсем иные, чем я или другие рабыни, они пугали меня только поначалу. Полностью покрытая мелкой серо-зеленой чешуей кожа, большие глаза навывкате – без радужки и с узкими вытянутыми зрачками, маленький, почти приплюснутый нос. На головах у представителей этой расы отсутствовали волосы. Вместо них возвышался ярко выраженный венец гребня, который с затылка уходил на спину и тянулся по позвоночнику до поясницы. Машшала рассказывала, что раньше у шираки были хвосты, но в процессе эволюции эта рудиментарная часть тела исчезла. Разговаривали они своеобразно. Их речевой аппарат почему-то не позволял им выговаривать букву «с», и они меняли ее на «ш». Раньше шираки говорили на своем родном языке, а он изобиловал шипящими звуками. Позднее, когда вступили в Объединенный Союз, перешли на всеобщий, но так и не смогли избавиться

от акцента.

Шираки являлись коренными жителями этой отсталой, по словам служанки, планеты Шандиры. Впрочем, это было понятно. Большие части обоих материков занимали пустыни. Откуда тут взяться развитой цивилизации? Я была в курсе этих сведений. Знала и про отсталость мира, и про то, что тут почти одни пустыни, и про ту расу, которая здесь обитала. И про то, что тут добывали редкие драгоценные камни и минералы. В небольшом количестве, но достаточном, чтобы этот неразвитый мирок приняли в Объединенный Союз. Откуда знала? Понятия не имела. Вероятно, я узнала все раньше, до потери памяти, если она у меня была, или же мне вложили эти сведения в голову. Нет, никакими подробностями я не владела, так... общее представление, но тем не менее.

– Иди к девушкам. – Машшала легонько подтолкнула меня в сторону жилого помещения. – Патагеш рашшердитша, ешли узнает, что ты опять шмотрела за купол. Еще подумает, что ты хочешь шбежать.

– Да куда мне бежать? Я и дня не проживу в вашей пустыне. А к кабине телепортации меня близко не подпустят, – вздохнула я.

– Не надо тебе к кабине! – всполошилась служанка. – Что ты! Что ты! Иди! Пошлезавтра утром чашь девушек увезут. Хозяин шегодня вечером прибудет. Пообщайтешь напошледок, попрощайтешь. Да и ужин шкоро.

Кивнув Машшале, я пошла обратно к жилой постройке. Сложена она была из обожженной на солнце глины, и, разумеется, ни о какой архитектурной красоте речь не велась. Одноэтажная, приземистая, с узкими дверями и окнами. Изнутри стены были побелены, а пол, хотя тоже глиняный, был ровный и плотный. Направилась я сразу в просторную комнату, в которой мы все проводили время днем. Скучно ведь. А там хоть как-то пообщаться можно, пусть и не всегда находился общий язык для разговоров. Но последняя партия девушек, которую привезли на днях, оказалась на удивление миролюбивой, и ссор практически не происходило. Всего сейчас нас здесь находилось шестеро.

Три красноволосые ританки – Триана, Тонсара и Талина. Импульсивные, вспыльчивые, но отходчивые, девушки в целом мне нравились. Ссорились они, как правило, только между собой, потому что Патагеш пообещал их жестоко наказать, если подруги при потасовке когонибудь поцарапают. Девчонки и сейчас лениво препирались.

Внешне жители планеты Ритания выглядели как типичные гуманоиды. Но обладали способностью выпускать острые, как кинжалы, когти на руках, и могли располосовать ими мягкую плоть до костей. Еще небольшое отличие – в форме черепов. У ританов они несколько более вытянутые на затылке. И еще все как один жители Ритании, вне зависимости от пола, обладали огненно-красной копной жестких прямых волос и такой же красной радужкой глаз.

Алилея – томная, расслабленная валтарка с голубыми волосами – сидела в воде и пила из бокала прозрачный напиток. Ей приходилось особенно тяжело на засушливой жаркой Шандире, да еще без привычного давления океанской толщи. Специально для нее в комнате стоял большой чан с водой, в котором она и проводила большую часть времени. Родом она была с планеты океанов, где все жители двоякодышащие. По рассказам Алилеи на Валтамере был всего один материк. И большая часть населения жила в подводных городах. Валтары имели перепонки между пальцев и обладали способностью при выбросе в кровь определенного гормона практически сращивать ноги между собой в некое подобие рыбьего хвоста. Цвет их волос варьировался от бледно-голубого до насыщенного синего. Так что

именно они олицетворяли собой водные цвета радуги.

Зеленоволосая метсанка Нейрита, расположившаяся на диване, поглаживала пальчиками цветок в горшке. Жительница Метсана – планеты, на которой большая часть суши покрыта лесами. Ей тоже приходилось несладко на Шандире, и она нашла утешение в выхаживании этого жалкого полузасохшего цветочка.

Каким уж образом Патагешу удалось заполучить валтарку и метсанку – для меня было загадкой. Они нечасто покидали родные планеты, соответственно, являлись редкостью в гаремах. Но, как говорится, для желающего иметь много денег нет ничего невозможного. Торговец радугой исхитрился выкупать у пиратов девушек из разных миров. Чаще всего космическим корсарам удавалось захватывать ританок. Те вели активный образ жизни и много путешествовали. Вот с одного разбитого туристического перевозчика и попали к Патагешу подружки Триана, Тонсара и Талина.

Я была шестой рабыней в оазисе. И о том, как угодила в рабство, не знала ни-че-го.

– Привет, – поздоровалась я с подругами по несчастью. – Машшала сказала, скоро ужин. Еще не звали? Я проголодалась, как ни странно.

– Чему ты радуешься? – тут же нашла повод прицепиться ко мне Триана. – Проголодалась... Сколько можно есть эти консервы и бесконечные каши? – Она сердито насупилась.

– Зря ты так. – Я прошла и села рядом с Нейритой на диван. – Нас ведь в целом неплохо кормят. Могло быть и хуже, если бы мы угодили на тяжелые работы. Я тут уже почти месяц сижу, смирилась и стараюсь находить радость хоть в чем-то. По крайней мере, не дают тухлого мяса и гнилых овощей. Вот попадете в гарем, там и будете есть разные деликатесы, – сказала и поморщилась. Тоскливо становилось при мыслях о будущем.

Красноволосые подружки переглянулись и синхронно повернулись ко мне.

– То есть ты желаешь сказать, что хочешь в гарем?! – возмутилась Тонсара.

– Разумеется, я этого не хочу, – не поддаюсь я на провокацию. – Но не вижу способа избежать этой участи.

– Но надо же хоть что-нибудь делать! – потрясла кулачком Талина.

– Ну да... А потом получить несколько ударов энергетическим хлыстом и посидеть недельку в карцере в кромешной темноте. Это очень хорошо дурь из головы выбивает, – грустно улыбнулась я им. – Тем более бежать все равно некуда. Не выходили еще сегодня? Там снова Кровавый вал бушует.

Девушки сникли, признав мою правоту. Они были относительно новенькими, а я тут жила почти месяц. Двадцать пять проклятых дней!!!

– Элишше, – окликнула меня из своего чана с водой Алилея. – Тебя когда повезут?

– Скоро, – передернула я плечами. – Мне кажется, я уже начинаю хотеть, чтобы это случилось побыстрее. Устала жить в ожидании неизбежности.

– А нас когда? – повернулась ко мне Нейрита, оторвавшись от цветка. – Ты ведь общаешься с этой старой ящерицей Машшалой. Она ничего не говорила?

– Сегодня вечером Патагеш прибедет. И, возможно, послезавтра утром кого-то из вас... – Договаривать я не стала. И так понятно.

Девушки загрустили. Так же невесело, в полной тишине, мы съели все, что нам полагалось на ужин.

Патагеш прибыл примерно через час. И приехал не один...

Мы еще не успели разойтись по спальням и стали свидетельницами того, как торговец чуть ли не за волосы втащил в комнату новенькую. Красивая статная девушка с длинными желтыми волосами упиралась и шипела, но... Следом за ними шли два охранника, тоже из шираки, с парализаторами в руках. Неприятные штуки, надо сказать. Мне самой получать дозу парализующего луча не доводилось, но как-то раз видела его воздействие на живое существо. Так вот, после такого – несколько часов невозможно не то что пошевелиться, даже моргнуть.

– Отпусти меня, жирная ящерица! – гневно воскликнула девушка, когда торговец дернул ее за руку особенно сильно.

Ой! Вот это она зря! Я втянула голову в плечи, уже зная, что сейчас будет. И точно... Разъяренный Патагеш сдернул с пояса хлыст, активировал его и дважды полоснул голубым энергетическим лучом по упрянице. Та взвыла от боли, но не упала, а встала в стойку, словно приготовилась прыгнуть на него.

– Ну?! Давай, моя девочка! Что же ты оштановилашь? – прошипел шираки и переключил хлыст на красный режим.

О господи! Только не красный!

– Стой! – Как успела вскочить и подбежать к новенькой, сама не поняла. Очень уж испугалась за нее. – Не надо! Ты сделаешь хуже только самой себе! – Я обошла девушку и встала перед ней так, чтобы заглянуть в глаза.

Ее огромные светло-карие раскосые глаза с вытянутыми зрачками полыхали бешенством.

– Остановись, – прошептала я, глядя в эти омуты. – После красного режима хлыста ты неделю встать не сможешь.

Девушка моргнула, удерживая мой взгляд, а меня неожиданно чуть повело, закружилась голова.

– Отойди, Элишше! – прошипел Патагеш за моей спиной. – Желтая кошка решила продемонстрировать коготки. Я покажу ей, что это была плохая идея.

Я послушно отступила в сторону, но все же отрицательно покачала головой, продолжая смотреть на новенькую. И девушка сникла. Опустились плечи, вся она как-то обмякла, погас яростный огонь в глазах. Она устало побрела к дивану, постояла пару секунд и присела на край, глядя в пол.

Торговец, проводив ее жестким взглядом, выключил хлыст и повесил его обратно на пояс, а потом повернул голову ко мне.

– Элишше, золотко мое оранжевое... – с опасными нотками в голосе сказал он. – Ешли бы я не шобиралша шовшем шкоро получить за тебе целое шоштояние... Не лезь, куда не шледует! Вы – мой товар. И я шам решаю, что мне ш вами делать, как и когда! Яшно?!

Я кивнула и опустила ресницы.

За прожитое здесь время уже успела разобраться, как надо себя вести, чтобы не вызвать вспышку ярости у этого конкретного шираки. Сделать вид, что покорилась? Да пожалуйста! Показать, что боюсь его? Ну это недалеко от истины, и притворяться не нужно. А ему нравится, что он внушает страх. Продемонстрировать, что смирилась? Да запросто. Пока ситуацию изменить невозможно, нет смысла устраивать показательные концерты и скандалы. Все равно это ничего не даст. Деваться-то некуда.

Нарываться на наказание не хотелось. И если бы я не понимала, чем грозит именно красный цвет энергетического хлыста, не стала бы вмешиваться и останавливать эту девушку

с желтыми волосами. Я ее даже не знала, а сама рисковала. С Патагеша стало бы – мог и меня «приласкать», а потом отправить в карцер. Просто так, чтобы не забывала, кто тут главный.

– Вот и помните, кто вы такие! – подтвердил мои мысли торговец радугой. – Вы – никто! Вшего лишь товар и мои будущие деньги!

Все девушки, кроме новенькой, вздрогнули и отвели взгляды. А Патагеш продолжил:

– Ты! – Чешуйчатый палец ткнулся в направлении вновь прибывшей. – Шлужанка покажет тебе твою шпальню и принесет воды. Помойша, от тебя воняет. Платье тебе выдадут. Потом поешь. И учти, чтобы шьела вше. Мне рашшкажут. Вздумаешь уштроить голодовку, накажу. Тебя и так откармливать надо, тощая, как драная кошка! – Он брезгливо поморщился.

Девушка метнула на него злющий взгляд, но промолчала.

– А вы, – жестким взглядом обвел шираки всех остальных, – пошли вон! Шпать! Завтра ваш будут готовить к торгам. Повезу продавать. А то шкоро разорюшь на воде. Шодержать валтарок – дорого.

Он развернулся и ушел, а вслед за ним вышли и охранники. Я дождалась, чтобы за ними закрылась дверь, потом подошла к дивану, на котором затаились зеленоволосая Нейрита и новенькая. Присела с краю и расправила на коленях тонкую ткань простого длинного платья из светло-серого полотна. Нам всем тут выдавали такие наряды, больше похожие на ночные рубашки с длинными широкими рукавами и небольшими разрезами на подоле по боковым швам. Но, учитывая, какой жаркий климат на Шандире, это было оправданно. В чем-то более плотном мы испеклись бы. Тут даже обувь использовалась всеми одинаковая – легкие плетеные сандалии, которые носили и шираки, и мы.

Девушки отправились в свои спальни, решив не связываться с разгневанным Патагешем. Медлила только валтарка Алилея. Судя по страдальческому выражению лица, ей не хотелось выбираться из воды даже ненадолго, чтобы дойти до своей комнаты, где стояла ванна меньших размеров – для сна. Я тоже осталась, желая познакомиться с новенькой.

– Как тебя зовут? – обратилась к ней, стараясь не таращиться на ее стоящие торчком на макушке уши. Покрытые короткой желтой шерсткой, они смешно выглядывали из буйной гривы, точно как у большой кошки.

Девушка бросила на меня мрачный взгляд – она явно не желала общаться, – но потом передумала.

– Лиллуко кон Кэху, – представилась новенькая и требовательно уставилась мне в глаза.

У меня снова на мгновение закружилась голова, но я поборола приступ и назвалась:

– Элишше.

– Странное имя для человека. Больше подошло бы рептилоиду, – задумчиво произнесла Лиллуко. – Ты здесь родилась?

– Думаю, нет. Просто... я ничего не помню о своей жизни до того, как очутилась в оазисе. Или у меня амнезия, или, как меня убеждает местная служанка, я – клон. Если это так, то... – развела я руками.

– А тебя как зовут? – Она повернула голову к валтарке.

– Алилея, – мелодично ответила водяная дева и все-таки вылезла из чана. Взяла полотенце, лежавшее рядом, и начала вытираться.

– Итак... Три ританки, метсанка, валтарка и человек. Занятная у меня компания, – усмехнувшись, проговорила Лиллуко, наблюдая за действиями Алилеи.

Мы промолчали. А что скажешь?

– Давно вы тут? – продолжила допрос новенькая.

– Я – почти месяц. Меня Патагеш собирается везти на Большие торги. Алилея – около пяти дней, – ответила за обеих.

– А те? И как вас угораздило оказаться в таком месте? – кивнула подбородком на дверь Лиллуко.

– По-разному. Ританок привезли десять дней назад, сразу троих. Их пираты сняли с туристического лайнера. Нейрита отмалчивается о том, что с ней произошло, но тут она уже неделю. – Я глянула на жительницу Валтамера, ей явно было некомфортно без воды, и она предоставила право вести разговор мне. – Алилею похитили во время поездки на материк к дальней родне.

– Совсем пираты оборзели! – скрипнула зубами Лиллуко.

– Ну а ты? Откуда и как здесь очутилась? – миролюбиво спросила я, посмотрела на ее руки, да так и застыла, не в силах отвести взгляда.

Девушка сжимала и разжимала кулачки, и все бы ничего, но вместо ногтей у нее были длинные загнутые когти. А фаланг на пальцах – по четыре.

– Не ваше дело! – резко бросила пленница.

– Как знаешь. – Пожав плечами, я встала. Навязываться не собиралась. Не хочет общаться – ее проблемы. – Алилея, тебя проводить?

– Спасибо! – вздохнув, валтарка кивнула. В сухом жарком климате Шандиры у нее часто

кружилась голова, и пару раз она падала в обморок.

Не оглядываясь на Лиллуко, я подошла к Алилее, которая уже обернулась полотенцем, и взяла ее под руку. Так мы и ушли, не сказав больше ни слова. Дикая кареглазая кошка, как я мысленно назвала девушку с желтыми волосами и кошачьими ушками, осталась в одиночестве. Впрочем, когда мы немного отошли от двери, мимо нас прошмыгнула одна из молодых служанок шираки.

– Спасибо, Элишше, – поблагодарила меня Алилея, когда мы дошли до ее комнатки, и тихо добавила: – А к новенькой не лезь. Она с Керакато, планеты военных и наемников. Держись от нее подальше, целее будешь. У них даже многие женщины проходят боевую подготовку и частичную генную модификацию, если этого требует профессия.

– О-о! – При упоминании этой планеты в памяти ничего не всплывало. Ни малейшей информации, даже название ее мне было незнакомо. – Откуда ты знаешь?

– Мой отец... – с заминкой ответила она, – когда-то давно вел с ними дела. Брат влип в проблемы, и... Это не самые приятные существа, надменные, жесткие, даже жестокие. Не советую иметь с ними ничего общего.

– Учту. Надо же! – покачала я головой. – Как же ее угораздило, будучи наемницей или военной, попасть в лапы Патагеша?

– Со всеми случаются неприятности, – криво улыбнулась валтарка. – Но я не завидую тому, кто ее купит. Она не гаремная девочка, сразу видно.

– Слушай. А Лиллуко себя не того?.. – Я чиркнула ребром ладони по горлу. – Нрав-то у нее, выходит, не самый простой, а тут такой позор.

– Нет! – прозвучал уверенный ответ. – Ей честь клана не позволит. По их традициям она сначала должна попытаться убить всех врагов. Если такой возможности нет – попробовать сбежать, а если уж погибнуть – то в бою. При этом постараться увести врага за собой.

Тут она покачнулась, и я поспешила помочь ей войти и добраться до ванны, заполненной прохладной водой. Мы попрощались, и я ушла в свою спальню.

На следующий день служанки по приказу Патагеша стали готовить трех девушек к продаже. Косметические маски, притирания и прочие процедуры. Торговец наводил лоск на свой товар... Занимались Алилеей и двумя красноволосыми ританками – Трианой и Тонсарой.

Почему он решил продать ританок, не дожидаясь Больших торгов, которые должны были состояться уже через неделю, я не понимала. С Алилеей-то все ясно – ей требовалось много воды, что в условиях оазиса среди пустыни являлось проблематичным. Но ританкам ведь не нужно ничего особенного. Как бы то ни было, у Патагеша имелось свое мнение, делиться которым он не собирался. На Большие торги он планировал везти четырех разных девушек. Четыре цвета радуги: красный, оранжевый, желтый и зеленый.

Новенькая не вышла к завтраку и появилась в общей комнате только к обеду. Я посмотрела в ее сторону, но, помня слова Алилеи, больше не спешила обращаться к ней. Зачем? Нарываться на неприятности и выслушивать грубости? Оно мне надо?

Лиллуко, как и все мы, уже была одета в длинное тонкое платье. Вчерашний ее наряд, брюки и тонкую черную рубашку, порванные во многих местах, скорее всего, служанки уничтожили. Здесь всегда так поступали. Рабыням не оставляли ни одной личной вещи, даже шпильки и заколки для волос отбирали. Я как-то поинтересовалась у Машшалы, для чего так поступать. Она сказала: Патагеш боится, что в личных вещах могут оказаться маячки

или передатчики. Он не хотел рисковать.

Новенькой явно было некомфортно в длинном простом платье, и она периодически нервно одергивала подол, но молчала. И мы не лезли к ней. Не знаю, почему девушки не спешили общаться, но я приняла к сведению рассказ валтарки.

Сразу после обеда, прошедшего в мрачной тишине, я кивнула всем и ушла гулять. Привычно дошла до границы оазиса и устала на пустыню. Сегодня не было ветра, но после вчерашнего разгула самума барханы вокруг поменяли форму, так что теперь вид стал другим. И за неимением чего-либо иного приходилось смотреть на эти песчаные горы.

– Элишше, – раздался сзади голос, и я вздрогнула от неожиданности. Обернувшись, увидела стоявшую сзади Лиллуко.

– Да?

– Хочу извиниться за свое вчерашнее поведение. Я была неоправданно резка и груба, прости. – Она подошла и встала рядом. На меня не смотрела, рассматривала красные пески за куполом.

– Ладно, – коротко ответила я и тоже повернулась к пустыне.

Какое-то время девушка молчала, и я в свою очередь не спешила с ней заговаривать.

– Я поговорила с шираки. Той служанкой, которая вчера показывала мне спальню, – заговорила новенькая после пятиминутной паузы. – Она рассказала про красный режим энергетического хлыста. Спасибо, что остановила меня. После замедляющих реакцию инъекций, которые мне вкололи, я бы не справилась.

– Ты бы и без инъекций вряд ли справилась, – со вздохом ответила я. – Здесь однажды была ританка, прошедшая генную модификацию. Чего только ей не добавили в организм. Настоящая машина смерти... Она надеялась, что сможет убить Патагеша, и набросилась на него. Так ее сначала парализовали, а потом отходили хлыстом. Она больше недели не могла встать с постели. Затем, конечно, отправили в медкапсулу, но до того... В итоге Патагеш продал ее не в гарем, а в один из публичных домов на Каллу. И поведал нам, оставшимся здесь, что именно ее ожидает. Сказал, что Калла – это планета публичных домов, притонов и игровых центров. Не знаю, правда ли это, но...

Лицо Лиллуко перекошилось от ярости, а пальцы согнулись, выпустив когти.

– Твари! Какие же твари! – прошипела девушка и зажмурилась. – Ненавижу!

Я промолчала. Мои ненависть и ярость уже перегорели. Невозможно столько времени подпитывать в себе эти чувства, если понимаешь, что выхода нет. Остается только терпеть и надеяться, что скоро все поменяется в лучшую сторону.

– Ты пробовала сбежать? – снова спросила она меня.

– Нет. В пустыне я и дня не проживу. К кабине телепортации незаметно пробраться невозможно, ее охраняют. А если бы даже и пробралась, то куда бежать? Я ведь ничего не помню. Даже не знаю, с какой я планеты, где моя семья. Если, конечно, она вообще есть... – добавила совсем тихо, но Лиллуко услышала.

– Должна быть. Ты не клон, я уверена, – твердо произнесла она.

– Хотелось бы верить, – усмехнулась чуть заметно. – Неприятно осознавать, что, возможно, тебя создали и ты – не нормальный человек.

Девушка совсем по-кошачьи фыркнула и передернула стоящими ушками.

– Лиллуко, прости за странный вопрос, но... Ты случайно не знаешь, что такое – неко?

– Неко? – Она удивленно подняла брови. – Понятия не имею, что это такое. Первый раз слышу. А с чего такой вопрос?

– Да так. Откуда-то вдруг в голове всплыло это слово, когда увидела тебя. Почему-то подумалось, что ты – неко. Но я не знаю, что это.

– Нет, я не неко! – твердо ответила Лиллуко. – Я ниоки из клана Степных кугуаров. Тебе ведь валтарка уже сказала, что я с Керакато. – Она не спрашивала, утверждала.

– Да, но откуда ты знаешь, что Алилея мне об этом сказала? – удивилась я.

– Просто знаю. Не заморачивайся.

Стало понятно, что объяснений не будет, поэтому я замолчала. Смысл пытаться добиться ответа? Это ведь все равно ничего не изменит.

На ужин Триана, Тонсара и Алилея вышли в последний раз. Беседа не клеилась, у девчонок периодически к глазам подкатывали слезы, и мы дружно начинали хлюпать носами вместе с ними. А на рассвете следующего дня Патагеш их увез.

Когда рано утром я вышла в общую комнату, там сидели только невероятно мрачная и злая Лиллуко, заплаканная Талина и меланхоличная Нейрита. Впрочем, эта девушка с зелеными волосами всегда была такой приторможенной. То ли ей, как и Алилее, не хватало жизненных сил в климате данной планеты, то ли жители Метсана все такие – неторопливые и флегматичные. Я склонялась к последнему, очень уж у нее был абстрагированный от действительности вид, когда она поглаживала кончиками пальцев свой любимый цветок в горшке.

– Что? Так и будете сидеть и слезы лить? – со злостью спросила Лиллуко.

Нейрита даже взгляда на нее не подняла, только пододвинула поближе к себе горшок с растением. А Талина зарыдала в голос и убежала в свою комнатушку.

«Кошка» проводила ританку взглядом и пристально уставилась на меня. Я вопросительно подняла одну бровь, но вслух ничего не сказала.

– Элишше, покажешь мне оазис? – Лиллуко вскочила и пошла к двери, не дожидаясь моего ответа. – Тут сколько колодцев?

– Один, – спокойно ответила я, вставая и направляясь следом. – У тебя в комнате закончилась вода?

– Угу, – невразумительно промычала новенькая, шагая впереди.

Мы с ней в молчании обошли территорию оазиса. Я заговаривала только тогда, когда указывала на что-нибудь и давала пояснения. Лиллуко внимательно осмотрела колодец и уточнила, из него ли мы используем воду, зачерпнув ладошками влаги в родничке, глотнула и сморщилась – вода, в отличие от чистой питьевой, была минеральной и довольно противной на вкус. Хотя, наверное, полезной. Большой интерес у девушки вызвала cabina телепортации, находящаяся в отдельной пристройке. Близко нам, разумеется, подойти не удалось. Там бродил один из охранников-шираки. Он зыркнул в нашу сторону, но, так как мы не приближались, предпринимать ничего не стал.

Так мы дошли до края оазиса и остановились на границе. Дальше дороги не было, так как проходила линия защитного купола.

– Ну? Что ты хотела спросить? – тихо произнесла я, глядя на пустыню.

– Какая-нибудь закрывающаяся тара для воды есть? – также не глядя в мою сторону, спросила девушка с желтыми волосами.

– Есть. В общей комнате в углу пластиковая бутылка, в которой стоит вода для цветов. Раньше в ведре стояла, но, после того как его несколько раз опрокинули, шираки поставили эту бутылку. Они не любят воду, особенно не любят убирать ее с глиняного пола.

– И все? А на кухне или в спальнях девушек?

– На кухне не знаю, нас туда не пускают. А в комнатах у нас только кувшины.

– Гм, – буркнула Лиллуко и замолчала.

Я не мешала ей размышлять. Посоветовать мне было нечего, а задавать вопросы – глупо.

Сочтет нужным – сама расскажет.

– Пойдешь со мной? – нарушила она тишину минут через пять.

– Ты так уверена, что сможешь уйти? – хмыкнула я.

– Это не твоя забота. Решай!

– Лиллуко, мне некуда идти. Я ведь тебе уже говорила.

– Ерунда, – отмахнулась она. – Будешь моим котенком. Ты все равно такая беспомощная, что тебе только этот статус и годится. А мне уже можно завести одного котенка и привести в клан.

– Чего?! – оторопела я. – Каким еще котенком?

– Это потом. Если все получится – объясню. А если нет, то и рассказывать ничего не придется. Знай одно: если все выгорит, я заберу тебя с собой, не брошу.

Я помолчала, размышляя. А потом неожиданно для себя самой ответила:

– Согласна! Что нужно делать?

– Мр-р, – совсем по-кошачьи промурлыкала Лиллуко. – Я не сомневалась в тебе. Чувствуется характер. Для начала надо умыкнуть бутылку из общей комнаты и налить в нее свежей воды. Неси ее к колодцу, но старайся особо не попадаться на глаза ящерицам. И вот что... У тебя есть еще какая-нибудь одежда?

– Нет, конечно. Только палантин на голову. Но мы здесь палантины не носим, купол защищает от солнечного излучения и песка.

– Чудесно. Обмотай его вокруг талии под платьем. Потом жди меня у колодца, сама ничего не предпринимай.

Было страшно, но, так как ничего ужасного мне делать не требовалось, я выполнила ее указания. В своей спальне обмотала тонкий палантин из той же ткани, что и наши платья, вокруг талии. Переплела косу, так как упрямые кудряшки постоянно норовили из нее выскользнуть, и вид у меня все время был растрепанным. Подумав, спрятала расческу между слоями палантина, благо она плоская и не выпирала. После чего оправила платье и пошла в общую комнату. Для вида посидела десять минут с Нейритой, после чего спросила, не полить ли растения? Метсанка флегматично сказала, что если хочу, то могу полить, а ей все равно. Она не может тратить силы на все растения в этом помещении, их едва хватает на один цветок.

Выслушав ее ответ, я спокойно вылила воду из бутылки в две кадки с увядшими деревцами, стоящими по углам комнаты. После чего неторопливо отправилась к колодцу. Так же неспешно подняла из него ведро свежей воды и наполнила ею свою пластиковую тару. По дороге мне никто из служанок не попался, а охранник, бродивший вокруг кабины телепортации, в мою сторону даже не смотрел. Тут уже привыкли к тому, что я постоянно слоняюсь по оазису и подолгу стою на его границе, рассматривая пустыню.

Так что я завинтила бутылку крышкой, опустила ее на землю в тени и присела на скамеечку для колодезного ведра. В сторону охранника я не смотрела, но боковым зрением отслеживала его перемещения. Он сделал обход вокруг пристройки, остановился, поскреб гребень на голове, повернулся ко мне спиной и снова отправился в путь. Завернул за угол... А через минуту оттуда выглянула Лиллуко, махнула мне рукой и тут же исчезла.

Ну и дела!

Я встала, подхватила бутылку и без суеты пошла к желтоволосой девушке. За углом никого не оказалось, и я даже растерялась, не зная, куда двигаться дальше. Но тут из двери высунулась сильная рука и втащила меня внутрь.

– Живо в кабину, – шепнула Лиллуко и подтолкнула меня в нужном направлении.

Я еще успела увидеть лежащего в углу пристройки охранника со странно скособоченной к одному плечу головой, а девушка уже втиснулась следом за мной в кабинку и закрыла дверцу. Она убила охранника?! Вот так, голыми руками?! Уши у Лиллу стояли торчком и нервно подрагивали, пока она изучала кнопки на панели. Что там изучать – мне было непонятно. Цифры и цифры, а каких-либо координат я все равно не знала.

– Так... – бормотала она. – Это не годится, это тоже, слишком близко... Вот сюда, достаточно далеко и успеем скрыться.

Ее пальцы быстро нажали комбинацию цифр, свет в кабинке мигнул и спустя несколько мгновений снова зажегся.

– Элишше, выходим, но ты от кабины не отходи. Постой, пока я огляжусь.

Не успела я ответить, как она выскочила наружу и подкралась к двери, ведущей из пустой комнаты, в которой мы очутились. Обмирая от страха, я вышла в обнимку с бутылкой и приготовилась ждать. Лиллуко выскользнула из помещения наружу, но сразу же вернулась.

– Эли, сейчас выходим, поворачиваем направо и быстрым, но не суетливым шагом идем до соседней улицы. Ни на кого не оглядывайся, глаз от земли не поднимай и не беги, даже если окликнут. Я сама все сделаю, если понадобится. Но сначала – прчем волосы.

Спустя пару минут мы в обмотанных вокруг голов палантинах, полностью скрывающих волосы и все лица, кроме глаз, выходили из помещения. Судя по открывающемуся виду, оказались мы на окраине какого-то поселения. Странно, но поблизости я не увидела никакой охраны. Впрочем, я ошибалась, в чем и убедилась минуту спустя, увидев прислоненное к стене тело самца-шираки. Надеюсь, этот остался жив и Лиллуко его только оглушила.

Узкая извилистая улочка, вьющаяся между глинобитных домов, вывела нас к пустырю. Навстречу попались всего три местные женщины, но на нас они не обратили никакого внимания, так что мы пересекли пустырь и нырнули на соседнюю улицу. Потом дошли до конца поселения и выскользнули за стену, условно защищающую дома и жителей от песков. И все это молча. Лиллуко лишь жестом или легким касанием руки направляла меня.

Не знаю, почему я ей доверилась. Наверное, устала бояться. Устала ожидать неизбежного. Поймала себя на мысли, что предпочту сдохнуть в песках в компании этой отчаянной девчонки с кошачьими ушами, но не позволю безропотно продать себя в гарем какого-нибудь инопланетного толстосума. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. По крайней мере, я воспользовалась шансом, который мне предоставила судьба, и попыталась спастись. А если не выйдет... Вот если не выйдет, тогда и стану думать, что делать дальше.

Я не боялась, не паниковала, у меня не было всплеска адреналина. Просто беспрекословно выполняла указания старшего в нашей группе, а старшим, без сомнения, являлась Лиллуко. А еще вдруг поняла, что меня совсем не коробило и не пугало то, как она поступила с шираки. Да, она свернула шею охраннику в оазисе. Да, она оглушила того, второго, а может, и убила. Плевать! Если бы я могла, то, наверное, и сама убила бы Патагеша.

И вообще, моя жизнь мне была дороже. И провести ее я хотела свободной. А даст Бог, мы и с Шандиры вырвемся. Раз моя компаньонка ведет себя так уверенно, значит, у нее есть козырь.

Стены поселения ширики оставались все дальше и дальше за нашими спинами. Лиллуко уверенно шагала вперед, периодически поглядывая на солнце, а я старалась беречь дыхание и не сбиваться с шага. Идти пока было легко. Во-первых, мы не успели утомиться. Во-вторых, еще не добрали до барханов. Пустыня ожидала впереди, а сейчас под ноги стелилась красная выжженная каменистая почва. Еще не пустыня, но и назвать эти земли пригодными для жилья я не могла... Хотя существуют же тут как-то ширики. Живут и не жалуются. Ящерицы, они и есть ящерицы. Единственное существо с этой планеты, которое вызывало у меня симпатию, – Машшала. А остальные? Мне не было до них никакого дела. Единственное, чего я желала всей душой, – это убраться отсюда подальше.

– Куда теперь? – спросила, когда поселок скрылся из глаз.

– Пока прямо. Нам надо уйти как можно дальше и углубиться в пески, после чего я активирую маяк. За мной обязательно прилетят.

– Маяк?! – изумилась я. – Но как?! Ведь все вещи и одежду забирают...

– Не спрашивай, – скривилась она. – Справлять нужду мне будет весьма некомфортно.

– О-о... Ты его проглотила?

– А что мне оставалось делать?! – возмутилась она.

– Да я ничего такого не имела в виду, – поспешила сказать в ответ.

Так и пошли мы дальше. Солнце палило нещадно, ужасно хотелось пить. Но воду приходилось беречь, так что терпели и делали по глоточку, только когда становилось совсем уж невозможно. И я оценила наличие у меня палантина. Если бы не он, я бы моментально обгорела под обжигающими солнечными лучами. Лиллуко было проще, у нее кожа смуглая. А вот я... Лицо-то спрятала целиком, оставив только щелочку для глаз, но вот кисти рук и подъемы стоп уже щипало. Еще немного, и волдырями пойдут. М-да. В климате Шандиры действительно могла появиться и выжить только раса рептилоидов, покрытых чешуей и почти не нуждающихся в воде. Скорее всего, от пресмыкающихся они и произошли, если верить в процесс эволюции и происхождение разумных существ от примитивных форм жизни.

– Ты как? – проскрипела Лиллуко. – Продержишься еще? Нужно уйти подальше.

– Угу, – ответила, экономя силы.

Я так и шла все время, не поднимая глаз от красной каменистой земли. Казалось, если не смотреть вперед и назад, то не так страшно, что бреду в неизвестность. Интересно все-таки, зачем я понадобилась Лиллуко? Помощи от меня никакой, наоборот, я – обуза. Но вот позвала же зачем-то, взяла с собой, опекает, следит, чтобы я по возможности прятала кожу от солнечных лучей.

Мы добрали до границы с песками и, не сбавляя шага, пошли дальше. Теперь приходилось труднее. Ноги проваливались, скользили, я несколько раз падала, прежде чем приноровилась идти. Лиллуко оценивающе меня оглядела и заставила сделать остановку. Оторвала от своего палантина несколько узких полос ткани и помогла мне обмотать ими ступни и кисти рук, чтобы защитить от солнечных ожогов. Поздно, конечно, они уже обгорели. Но хоть дальше ситуация не будет усугубляться, а раскаленные песчинки перестанут травмировать воспаленную кожу. Не знаю, почему мне не пришло в голову сделать это сразу, еще до того, как мы вступили на территорию пустыни. Могла бы

догадаться, но... И мы снова пошли вперед.

В какой-то момент, когда мы в изнеможении повалились на песок, чтобы передохнуть, я не выдержала и спросила, зачем она со мной нянчится.

– Лилуко, зачем я тебе? От меня ведь никакого толка, а тебе лишняя обуза.

– Ниоки из клана Степных кугуаров никогда не оставляют долгов, – ответила она. – Ты остановила меня в шаге от безумного поступка и дала шанс на спасение. Если бы не ты, я нарвалась бы на выстрел, провалялась потом неделю парализованной, в беспомощном состоянии, и лишилась бы возможности подать сигнал бедствия. Маяк вышел бы из организма естественным путем, и его бы изъяли.

– А скоро?.. – попыталась я тактично узнать, когда же нам ожидать выхода этого самого маяка на свободу.

– Эли, – вновь сократила мое имя девушка и поморщилась. – Я же не могу сделать это по заказу. Он ведь уже не в желудке, и я не могу его сама достать. Пока будем идти вперед, а там уж как получится.

– Прости, – смутилась я.

– Да что с тебя взять, ты же еще котенок, – отмахнулась она.

– Лиллу, поясни, пожалуйста? Пока отдыхаем...

– Про котенка? – понятно уточнила девушка. Увидела мой кивок и продолжила: – Тотем моего клана – желтая степная пума, кугуар. Так и называется клан, это тебе для понятия. Когда мы, ниоки, достигаем определенного возраста, можем привести мужа или жену другой расы. Но это и так понятно. Они котятами не являются, их сразу принимают на равных условиях с другими членами клана. Но можно привести существо другой расы, не ниоки, при этом они не являются нашими супругами. Они слабее нас физически, не владеют и сотой долей наших способностей, вот они и получают статус котят. До тех пор, пока не докажут своими деяниями, что могут зваться кугуарами.

– А в чем смысл? – не поняла я. – Зачем их приводить в клан, если от них никакого толка?

– Спасение жизни, братание, долг чести, близкая дружба... Да мало ли. Главное в этом то, что за них отвечает тот, кто привел. Ну... как родители за ребенка. Как взрослый кугуар за котенка. А вот когда они становятся полезными клану, доказывают, что сами по себе чего-то стоят, то «вырастают» из котят. И ты когда-нибудь вырастешь. Или же станешь чьей-нибудь женой, если выберешь себе парня по душе.

– М-да, – трезво оценила я свои способности. – Похоже, только так я и смогу перестать быть «котенком». Мне никогда не стать такой, как ты, и уж тем более как ваши мужчины.

– И не надо, – улыбнулась девушка. – Ты ведь не думаешь, что нам не нужны программисты, ученые, те, кто сидят на планете, работают и не участвуют в боевых действиях? Далеко не все ниоки становятся военными или наемниками. Например, мой дед и отец не имеют никакого отношения к армии. А я выбрала иную стезю. Каждому находится свое место, на котором он может дать лучшие показатели. Надо его только найти. Может, ты потрясающий экономист. Или гениальный художник. Или музыкант. Или... Ну? Поняла?

– Поняла. Вот бы еще узнать, что я умею. Я ведь ничего не помню о себе.

– Значит, научишься чему-то новому, – с непробиваемым спокойствием заявила Лилуко и вскочила гибким красивым движением. – Все, отдохнули, идем дальше. Чем больше пройдем, тем лучше. В песках нас искать не станут. Никому и в голову не придет, что мы поступим так глупо и отправимся в пустыню.

– Главное, чтобы нас не накрыл Кровавый вал...

Самум был на нашей стороне и решил для разнообразия не буйствовать. Так что мы шли весь день, с небольшими перерывами на отдых.

Закат в пустыне всегда прекрасен. Даже сейчас, чуть живая от усталости, я смотрела на эту картину с восхищением. Когда-нибудь... когда я выберусь с проклятой планеты, буду вспоминать эти красные пески, это палящее солнце, эти удивительные закаты. Когда-нибудь... Светило уходило за горизонт, даря безжизненной земле свои последние лучи. Золото на красном! Именно так выглядели отблески заката на красных барханах.

Разговаривать сил не осталось. Во рту пересохло, безумно хотелось пить, да и поесть не было бы лишним. Но...

Пока я лежала на еще теплом песке, обессиленно раскинув руки, Лиллуко встала и, сказав, что отойдет ненадолго, укрылась за барханом в отдалении. Вернулась через некоторое время и довольным голосом заявила, что маяк уже у нее. Но прежде чем она его активирует, нам нужно отойти еще дальше. Надо идти, сколько сможем, сколько выдержим.

Надо, значит, надо. Проклиная все на свете, особенно свое слабое нетренированное тело, встала и побрела следом за гибкой фигуркой ниоки. Вот уж у кого сил немерено. Как заведенная, идет и идет. Ни секунды не сомневалась, что если бы с нею не плелась я, то она ушла бы намного дальше. Кошка... Интересно, девять ли жизней у нее?

Подумала и удивилась. Что за бред? С какой стати у кошки должно быть девять жизней?

И снова упала, оступившись.

– Эли, вставай, – позвала меня Лиллуко. – Давай же, соберись!

– Соберусь, куда ж я денусь, – хрипло пробормотала, вставая сначала на четвереньки и только потом на ноги.

– Потерпи, Эли. Пока нет палящего солнца, пройдем еще, сколько сможем. После активации маяка придется сидеть на месте и ждать.

Мы шли, и шли, и шли. Я напоминала себе робота. Программа-минимум заложена: шагать вперед и не падать. Не оглядываться, не думать, не рефлексировать. Надо идти!

Наконец напарница дала команду: «Привал!» И я буквально рухнула на песок. Сил не было ни на что, даже голову повернуть и посмотреть, что же делает Лиллуко. А она времени не теряла. Соорудила холм из песка и водрузила в его центре черный шарик. Поколдовала над ним немного, предмет тихо пискнул, и девушка с довольным видом подползла ко мне.

– Все, Эли. Теперь ждем! Сигнал идет чистый, на частоте, которую используют ниоки. Так что, как только его поймает и опознает кто-нибудь из наших, за нами прилетят.

– А если не поймают? – спросила я, глядя на звездное небо.

– Поймают! – уверенно отрезала она. – Ниоки есть на всех боевых кораблях. Да и на гражданских хватает – в охране. Так что кто-нибудь, да расшифрует.

– Лиллу, а как тебя вообще занесло сюда? Ты ведь явно не простая туристка, как те три ританки. Так как же тебя угораздило?

Говорить было тяжело, горло саднило от жажды, но молчание казалось невыносимым. Нет ничего хуже ожидания. А так хоть какая-то беседа. Да и хотелось узнать побольше об этой загадочной девушке с желтыми волосами и кошачьими ушами.

– А дура потому что. Самонадеянная дура! – с сарказмом отозвалась она о себе. – Сбежала из дома, чтобы поступить... Не важно. Короче, хотела уйти от судьбы и от договорного брака. Сделала неверный выбор. Надо было сначала на пассажирских судах

уйти подальше от Керакато, а я, тупица, шатл увела и на нем... Вот и подбили меня неподалеку от Шандиры, а я даже не успела перенастроить маяк на общую частоту. Пир-раты! – В ее голосе прозвучала ненависть.

– А что, жених так плох, что ты решила сбежать?

– Не то чтобы плох, – после долгой паузы ответила девушка и откинулась рядом со мной на песок. – Скорее даже хорош. Но... Я хочу не замужества. Я желаю другого!

– Чего?

– Я мечтаю летать. Я пилот, Эли. Хороший пилот. Только вот отец и... жених никак не хотели этого принимать. Да, я не воин, мне никогда не стать хорошим наемником или солдатом. Как не стать и домашней женой, ждущей супруга на планете в доме. Как мои мама или бабушка. Но я действительно хороший пилот! Кроме того, я не люблю его. Совсем! Да и он меня не любит. Обычный договорной брак. Родители сговорились, а я его живьем видела-то всего один раз, во время помолвки.

Мы полежали в тишине, глядя в черное небо с россыпью звезд, а потом я задала вопрос, который меня уже давно беспокоил:

– Лиллу, скажи... Ты... У тебя есть способности к гипнозу?

– С чего ты так решила? – осторожно уточнила она. Но не стала отрицать, и это меня подтолкнуло.

– Когда ты смотрела мне в глаза, еще там, при первой встрече... У меня голова начинала кружиться, и один раз повело. Или даже дважды. И еще. Я, конечно, очень хотела стать свободной, но за этот месяц на Шандире научилась быть осторожной. И вдруг так легко и быстро бросилась в эту авантюру с побегом.

– Умный и наблюдательный котенок, – наконец заговорила девушка после долгой паузы.

– Я права?

– Да, ты права. У меня есть ментальные способности. Гипноз, внушение, ну и так, по мелочи. Но я слабенький менталист и умения не развивала. Мне важны только звезды.

– Ты меня считывала, да? – Ответом было молчание, которое я приняла за подтверждение своей догадки. – Лиллу, а ты можешь вернуть мне память? Трудно смириться с мыслью, что я клон. Не верю! Не хочу в это верить!

– Ты не клон, я тебе уже говорила. Но у тебя на сознании стоит мощный блок. С моими умениями с ним не справиться. Вот дед, тот мог бы... А я – увы.

– Что, совсем-совсем ничего не можешь? – расстроилась я.

– Ты странная, знаешь об этом? – хрипло рассмеялась Лиллуко и закашлялась. – Я думала, ты сейчас начнешь возмущаться, что я на тебя воздействовала.

– Да какая разница, если я все равно ничего не помню. Может, мне и скрывать-то нечего, – пожала в ответ плечами.

– У всех есть что скрывать. Никто не любит, когда лезут к нему в голову. А ты... Я могу попробовать раскачать твой блок. Снять – не сниму, но могу попробовать ослабить. Кто знает, возможно, тогда хватит какого-то толчка, чтобы память вернулась. С теми, у кого была амнезия, такое случалось.

– Давай! – твердо сказала я.

– Может быть больно, – предупредила ниоки и села. – Повернись ко мне лицом, я должна видеть твои глаза.

Да! Это оказалось больно! Безумно больно! Сначала были карие глаза напротив, а потом меня затянуло в воронку, и я словно ослепла. А голова взорвалась миллиардами звезд.

Когда пришла в себя, лежала навзничь на песке, а Лиллуко похлопывала меня по щекам.

– Эли, ты как? Очухалась?

– Да... – Голос был хриплым и чужим.

– На, попей воды. – В губы мне ткнулось горлышко бутылки, и я жадно глотнула. – Все-все, надо беречь воду.

Я с сожалением проводила взглядом бутылку и посмотрела на компаньонку:

– Ну как?

– А ты что-нибудь вспомнила? – с жадным интересом спросила она.

– Н-нет, – вынуждена была я ответить через пять минут, во время которых пыталась понять, помню ли что-нибудь сверх того, что помнила раньше.

– Жаль. Впрочем, я тебя предупреждала.

Потом потянулось ожидание. Я немного подремала, постоянно вздрагивая и просыпаясь. А Лиллуко сидела каменным изваянием и не шевелилась. Жили только ее глаза на красивом лице, они неотрывно смотрели на звезды. О чем уж она грезила, я не спрашивала.

Небо понемногу становилось светлее. Похоже, скоро рассвет, о чем я и сказала. Получила в ответ молчаливый кивок, и мы снова затихли. Вдруг совсем недалеко раздался противный скрежещущий то ли стрекот, то ли крик, и Лиллу пружиной взметнулась в воздух.

– Проклятье! Как некстати!

– Кто там? – шепотом спросила я, тоже вскочив и встав рядом с ней.

– Молчи! Может, пронесет!

Не пронесло... На соседнем бархане появился силуэт огромного варана, и я поняла, что нам конец. Я знала про этих тварей. Хищные вараны Шандиры... Мне о них рассказывала Машшала. Крупные, опасные, ядовитые, плотоядные, без малейшего проблеска разума. Ими двигал один-единственный инстинкт – найти добычу и сожрать ее. Учитывая жизнь в пустыне, где не так-то просто добыть еду, это было понятно и объяснимо. Плохо то, что у нас не имелось оружия, а у этой чешуйчатой бронированной твари присутствовали и зубы, и когти, и мощный хвост с шипами, и яд.

– Элишше, запомни! – Голос девушки звенел от напряжения, но говорила она четко и внятно: – Лиллуко кон Кэху, планета Керакато. Клан Степных кугуаров. Если я погибну, то ты сделаешь кое-что для меня. Поклянись!

– Лиллу... – потерянно прошептала я, не сводя глаз с варана, который медлил.

– Поклянись!

– Клянусь!

– Если я умру, ты отвезешь на Керакато мою голову или мое сердце. Выбирай сама. Похоронишь там и сообщишь моей семье!

– Что?! – Я чуть не заорала от подобной перспективы.

– Ты поклялась! Только так я смогу возродиться на родной планете. Если бы ты была ниоки, ты бы это знала. Но ты... Сделай это для меня! Не стыдно умереть в бою, стыдно сдаться без боя. Но я должна возродиться там, на родной Керакато! А тело засыпь песком, это все суета.

– Боже! Боже! Лиллу, может, он пройдет мимо? – в отчаянии зашептала я, понимая, что не смогу этого сделать! Просто не смогу!

– Не пройдет! – Не глядя на меня, девушка размотала с головы палантин и бросила

на песок.

А варан уже учуял добычу и начал двигаться в нашу сторону. Огромная бронированная гора мышц, которая желала нами позавтракать.

– В бой не вмешивайся. Ты будешь мне только мешать. И тебя он убьет сразу, ты – человек, а у меня иммунитет ко многим ядам. У меня есть шанс. Как только я скамандую, беги! К маячку вернешься потом, – отрывисто говорила Лиллуко.

– Но...

– И вот еще что... Передай моему жениху, что я отпускаю его и разрываю помолвку. Сама! Скажи, что от судьбы не уйдешь!

– Но как его зовут?..

– Беги! – крикнула Лиллу, отталкивая меня, и бросилась навстречу варану, который собрался с мыслями и тоже ускорил ход.

И я побежала...

Зная, что это безумие. Понимая, что ей не справиться. Осознавая, что она спасает меня и обречена... Чувствуя себя предательницей. Слабым, никчемным, бестолковым существом. Чужим на этой планете.

Отбежав на достаточное расстояние, замерла, вглядываясь в даль и прислушиваясь к шуму битвы. Крики Лиллу, противный скрежет варана... А потом все стихло. Я еще помедлила, ожидая увидеть на бархане силуэт победителя, но ни варан, ни моя компаньонка не появлялись. И я под лучами восходящего солнца побрела обратно, обмирая от страха.

О-о-о! Это я только думала, что мне страшно. Когда увидела картину боя, вот тогда поняла, что такое настоящий ужас. Ядовитая чешуйчатая тварь валялась безжизненной грудой, а рядом сломанной куклой лежало тело Лиллуко, залитое кровью.

– Лиллу! Лиллу! – Я упала на четвереньки и поползла к ней, вздрагивая от каждого порыва ветерка и шороха песка.

Варан не шевелился, похоже, сдох. А девушка... Ее красивое лицо было изуродовано, ящер попал в него лапой и разодрал до костей. Весь перед платья залила кровь, а на животе – рваная рана, из которой вывалились внутренности.

Меня вырвало от вида и запаха крови и кишок. Но, вытерев ладонью рот, я упрямо подползла вплотную к Лиллуко.

– Лиллу, милая, отзовись, – сквозь рыдания позвала ее, не зная, что делать, как помочь.

Дрогнули ресницы, она открыла глаза и с трудом сфокусировалась на мне.

– Ты... пок... ля... ла... – Договорить она не смогла.

Меня била истерика. Нет, слез не было, да и откуда бы им взяться после суток без воды в пустыне. Я захлебывалась сухими лающими рыданиями, держа Лиллу за окровавленную руку и не имея сил отвести взгляда. Удивительная девушка, которая не успела стать мне подругой, но могла бы. Пилот, мечтавший летать среди звезд. Настоящий боец, не жалевший себя. Лиллуко, ниоки из клана Степных кугуаров. Желтоволосая пума со светло-кариими глазами, голыми руками убившая огромного ядовитого варана. Желтый цвет радуги.

А над красными песками восходило безжалостное солнце.

Я поклялась, это так. И собиралась выполнить свою клятву, только как? Боги милосердные, скажите – как? Отрезать голову у тела? Вырезать сердце? *Как?! Чем?!* Говорят, некоторые сильные мужчины могут вырвать у врага сердце голыми руками. Но то мужчина, причем мужчина сильный. А я?

Становилось все жарче, и я поняла, что медлить больше нельзя. Еще немного на солнцепеке, и тела начнут разлагаться, и тогда я не смогу выполнить обещанного. И я потащила тело Лиллу поближе к варану. Эта дохлая тварь, убившая ее, могла оказать мне помощь только одним – своими длинными острыми когтями. И я, используя один из его когтей как нож...

Голову я не смогла бы отрезать. Кроме того, Лиллуко была при жизни по-настоящему красивой. Пусть она и останется такой в моей памяти: не искореженная страшными рваными ранами, не обезображенная разложением. Я не стану вспоминать эти жуткие порезы на ее лице, не стану! И навсегда сохраню ее образ таким, каким он был до этой бойни. Даже смотреть на нее больше не стану...

Мне потом это долго будет сниться в кошмарах. То, как я, воя от ужаса, срывая голос, вырезала сердце отважной девушки когтем варана, убившего ее. Сердце воина, которое я поклялась отвезти на Керакато.

Завернув сердце в палантин Лиллуко, который так и валялся возле маячка, я упала на песок. Меня буквально выворачивало наизнанку одной желчью, потому что воды уже не осталось. Придя в себя, снова обмотала лицо, пряча от солнца и песка, после чего пошла к телам. Оттащила ниоки подальше от туши варана и закопала в песок...

А потом потянулось ожидание. Я словно отупела от всего этого кошмара. Не было мыслей, чувств, ощущений. Ничего! Кажется, часть меня тоже умерла сегодня в этой проклятой пустыне под палящим солнцем Шандиры. Оставалось только ждать, что кто-нибудь услышит сигнал маяка и прилетит.

Не знаю, сколько времени прошло. Периодически я впадала в забытие, а в очередной раз пришла в себя от громкого мужского голоса. Меня кто-то теребил, что-то спрашивал. Потом поднял на руки (сама я стоять уже не могла) и понес. Единственное, на что хватало моих сил, – это прижимать к себе окровавленный сверток, который я ни на секунду не выпускала из рук.

– Сюда давай! – скомандовал глухой голос, и я почувствовала, что меня усаживают на сиденье. Щелкнули пристежные ремни.

Я попыталась открыть глаза, разлепила ресницы и с трудом различила нечто черное, маячившее передо мной. Не сразу дошло, что это шлем с матовым непрозрачным забралом.

– Очухалась? – снова спросил меня мужчина. – Кровь твоя? Ты ранена?

– Во...ды! – Хриплый сорванный голос не слушался, но спаситель понял и ткнул мне в руки фляжку. – Це...ла.

Я даже не стала разматывать палантин, на это не было сил. Только приподняла его, освобождая доступ ко рту, и стала жадно пить.

– Э-э, хватит! – Мужчина отобрал у меня спасительную влагу. – А то тебя сейчас стошнит. Потом еще дам, а пока терпи.

– Майки, ну что там? Взлетаем? – позвал второй мужчина, которого я не видела.

– Да, Керк. Она одна была, маяк я забрал. И быстрее, песчаная буря надвигается.

– Ты ей укол сделай, что ли, а то еще помрет при взлете! – ворчливо произнес Керк, и наш транспорт дрогнул. – Она цела? Чья кровь?

– Укол? – Майки с сомнением уставился на меня. – Говорить можешь? Ты какой расы?

– Чел...о...век, – прошептала, глядя на свое отражение в черном щитке его шлема.

Палантин полностью скрывал мое лицо, оставляя видимыми лишь голубые глаза, которые особенно ярко выделялись на фоне грязно-серой тряпки с красными пятнами.

– Человек?! – воскликнул он. – А впрочем, пусть командор сам разбирается.

Я перевела взгляд на себя и содрогнулась. Все платье залито кровью, кисти рук, которые я потом снова обмотала полосками ткани, чтобы спасти от солнечных ожогов, – тоже в крови. А еще в свежем прохладном воздухе летательного аппарата я почувствовала, как от меня воняет. Невыносимо, омерзительно. Пот, кровь, запах мертвого варана и внутренностей Лиллуко... Было бы чем, меня бы снова стошнило. Неудивительно, что мои спасители не пожелали снимать шлемы.

Пока я рассматривала себя, Майки уже успел достать аптечку, вынул оттуда одноразовую пластиковую ампулу с иглой и прямо сквозь рукав вколол мне что-то в плечо.

– Сейчас полегчает, – сообщил он, убирая использованную ампулу. – А там лежишь в медкапсуле, и Док капельницу поставит, если надо. У тебя, похоже, обезвоживание, ну и тепловой удар, скорее всего. Идиотка! Какого... тебя понесло в пустыню, да еще без воды?

– Так получилось, – прошептала и, закрыв глаза, откинула голову на спинку сиденья.

Лекарство начало действовать быстро, мне становилось легче. Только безумно хотелось пить.

– Воды дай, – попросила, не открывая глаз.

Мне в руки ткнулась фляжка, и я снова, так же приподняв палантин над губами, глотнула воды, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не выпить все сразу.

– А это что за гадость у тебя? Боевой трофеей, что ли? Варана ты уложила? Как смогла-то, на вид ведь совсем мелкая, – говорил Майки, но, похоже, ответы ему не требовались, так как пауз между вопросами он не делал.

– Боевой трофеей? – У меня вырвался нервный хриплый смех. Но тому, что он назвал меня мелкой, я не удивилась. По сравнению с ним я действительно была именно такой.

Мужчина меня уже не слушал. Что-то сказал пилоту и на меня больше внимания не обращал. Когда прилетели, Майки снова потормошил меня за плечо, поскольку я умудрилась задремать.

– Вставай, прибыли. Дойдешь сама? – Он отстегнул ремни безопасности на моем кресле и отодвинулся.

– Не знаю, но попробую, – вяло ответила и допила воду. Потом отдала ему пустую флягу и приготовилась к выходу.

Место, в котором мы оказались, было похоже на небольшой ангар. Кажется, это называется трюмом. Или трюмы на водных кораблях? Помимо нашей летательной машины, уж не знаю, что это – челнок, катер, шаттл или еще что, – тут стояли еще четыре аналогичных, а также несколько аппаратов другой конфигурации и большего размера.

Подбежал мужчина в черном легком комбинезоне, судя по красным волосам и глазам – ританин. Брезгливо меня осмотрел и сморщился от запаха. Я только устало пожала плечами, встретив его взгляд. Уж не знаю чем, но это насмешило крепкого красноволосого парня, и он с улыбкой фыркнул.

– Майки, она была одна? – спросил тот моего спасителя.

– Да, Томарт. Там еще дохлый варан, но сомневаюсь, что его прибила девчонка. Говорит, что она человек. Мы к Доку, пусть осмотрит ее.

– Командор ждет. Может, сначала к нему? Или она ранена? Кровь чья?

Оба мужчины повернулись ко мне. Майки откинул щиток шлема, и я смогла увидеть его лицо. Симпатичный молодой парень со светло-карими глазами смотрел на меня с сочувствием.

– Ты не помрешь, если мы сначала к командору? – с сомнением спросил он меня.

– Воды еще дайте, и не помру, – ответила, а потом перевела взгляд на выбирающегося из... пусть будет шаттла, Керка.

Пилот подошел к нам и тоже открыл лицо. На его лоб падала прядка красных волос, а радужка глаз отливала алым, из чего я сделала вывод, что он также с Ритании.

– А ты чего лицо прячешь? – спросил меня Керк. – Изуродовал варан?

– Нет, – качнула я головой. – Просто... От меня так ужасно пахнет, а ткань хоть немного фильтрует.

– Да уж! – Парни переглянулись. – Запах от тебя действительно убийственный.

Я вздрогнула от этого сравнения, но ничего не сказала.

– Идем! – скомандовал Майки. – Воды сейчас найдем. Если соберешься упасть в обморок, предупреди.

И как он себе это представляет? Но комментировать его слова не стала и побрела за ним. Мы дошли до двери из трюма по соседству с той, в которую входил Томарт. Попали в небольшую каморку с металлическими стенами, полом и потолком.

– Дезинфекция, – пояснил парень.

И точно, замигал свет на потолке, а из дырочек на стенах нас обдало не то паром, не то газом без запаха. Как только этот газ всосался обратно, отъехала дверь на противоположной

стороне кабины дезинфекции.

– Теперь идем, – так же лаконично обронил Майки и вышел первым.

Ну и я пошла следом. Впрочем, коленки у меня так дрожали и плелась я так медленно, что он не выдержал. Закатил в страдальческой гримасе глаза, захлопнул щиток на шлеме и подхватил меня на руки. Так что дальше я поехала с комфортом. А Керк и Томарт остались в трюме.

Коридор с железными стенами... кажется, на кораблях их называют переборками? Двери, ведущие в разные помещения. Каюты? Навстречу попадались мужчины в легких комбинезонах. Большинство из них на вид были как люди, а кто уж они на самом деле, я не смогла разобрать: слишком быстро мы проходили мимо. Меня они окидывали любопытными взглядами, но спрашивать ничего не пытались, так что мы мгновенно добрались до лифта. Майки, не опуская меня на пол, нажал на кнопки, и мы поехали вверх. Вышли, снова двинулись по коридорам. Здесь народа встречалось больше, и многие из мужчин останавливались. Кто-то даже окликнул моего сопровождающего по имени, хотя как они его опознали, мне было неясно. Он ведь в закрытом шлеме. Но Майки не останавливался и на вопросы не отвечал, а упорно топал в нужном направлении.

Нет, все-таки хорошо, что он меня нес. Я на своих ослабевших конечностях преодолела бы этот путь за несколько часов, не раньше. Майки с кем-то переговорил по внутренней связи, но, так как шлем он не открывал, слов я почти не разобрала. Осознала только, что парень докладывает обо мне и сообщает, куда идет.

Судя по всему, корабль, на котором я сейчас находилась, был весьма большим. Хотя что я знала о космических кораблях? Честно покопалась в памяти, пытаюсь найти хотя бы проблески воспоминаний. Но нет, ничего. Только какие-то общие слова, и как соотнести их с реальностью, я не знала. Крейсер, корвет, бригантина, фрегат... Почему-то появилось ощущение, что последние три к космосу и небу ни малейшего отношения не имеют.

Парень вошел в одно из помещений, поставил меня на ноги и открыл шлем. Я огляделась, оценивая назначение этой каюты. Ведь каюты, да? Похоже, передо мной небольшая общая гостиная, или как тут это называется? На обычных кораблях – кают-компания. Здесь, по идее, так же? По крайней мере, ни вида на космос, ни пультов управления, ни пилотов тут не было.

– Командор, приказ выполнен! – отрапортовал Майки кому-то, стоящему за моей спиной. – Маячок забрал. Стандартный маяк ниоки с малого космического шаттла. Но кроме вот этой... и дохлого местного варана, больше никого не было.

Пока он говорил, я успела развернуться и сейчас смотрела на высокого широкоплечего молодого брюнета в таком же комбинезоне, как и все, встреченные до того. Только нашивки отличались. Перевела взгляд на торчащие на его макушке кошачьи уши, покрытые короткой плюшевой шерсткой. Стрижка, кстати, у этого типа была совсем не военной. Вполне приличная мужская удлиненная прическа. Не длинная, но и не короткий ежик. Опустила взгляд ниже и почувствовала, как у меня округляются глаза. У него был хвост! Самый настоящий длинный толстый хвост с шерстью такой же черной, как и его волосы.

Хвост мотнулся. Я проследила за его движением взглядом. Хвост двинулся в другую сторону и нервно стеганул хозяина по ногам. А я стояла и буквально таращилась на эту дополнительную конечность.

– Какой ты расы? – прозвучал вопрос, и я даже не сразу поняла, что спрашивают меня, так увлеклась созерцанием. Голос у этого ушастого типа оказался низким, с хрипотцой,

и очень ему подходил.

– Человек. Кажется... – ответила и с невероятным трудом отвела взгляд от пушистой части тела собеседника. Он сам-то – какой расы? Уши как у Лиллуко, то есть как у ниоки. Но у нее хвоста не было.

– Кажется? – уточнил он. – Откуда у тебя стандартный маяк ниоки, настроенный на эту частоту?

– Это не мой. Со мной была девушка, ниоки. Но она погибла. А маяк остался.

– И кто она тебе? – Взгляд командора опустился на окровавленный сверток в моих руках.

– В некотором роде – боевая подруга, – ответила я. – У меня перед ней долг.

– Мы не планируем лететь на Керакато, – нахмурился он. И я поняла, что он знает, что у меня там.

– Ничего, – вздохнула я. – Как-нибудь, но доберусь. Пусть и не сразу. Я обещала.

– Как твое имя и с какой ты планеты? – продолжал он допрос. – Куда сообщить, что тебя нашли?

– Элишше. А сообщать никуда не надо. У меня амнезия, так что не знаю, откуда я и какая у меня фамилия.

Я честно пыталась смотреть собеседнику в глаза – большие, немного раскосые, ярко-зеленые, с узким вытянутым зрачком, но взгляд упорно соскальзывал на его нервную пятую конечность, которая, казалось, жила отдельной от хозяина жизнью. Да и, честно говоря, пушистый кошачий хвост был намного симпатичнее, чем кривящееся в брезгливой гримасе лицо, пусть и довольно красивое. Но я видела, как трепетали ноздри мужчины, и понимала, насколько ему противно находиться рядом со мной.

– Вот так даже? – Брюнет окинул меня мрачным взглядом. – В пустыне вы как очутились?

– Мы сбежали от торговца рабынями. – Тут я посмотрела в его глаза, желая видеть реакцию на свои слова, и она мне совсем не понравилась. Его чуть не перекосило. Но я продолжила: – Ушли в пустыню. У подруги был маяк, который она смогла спрятать от подбивших ее пиратов и работоторговца. Как только появилась возможность, она его активировала.

А за моей спиной удивленно вздохнул Майки, о котором я успела забыть.

– То есть ты – беглая рабыня? – скрипнув зубам, уточнил командор. Он почти справился со своими эмоциями, только хищно раздувающиеся ноздри да нервный хвост говорили о том, что он, вероятно, злится.

– Да!

– И куда тебя собирались продать? Открой лицо!

– В гарем. Я – один из цветов радуги, – послушно убрала часть палантина, открывая лицо.

– Это как? – едва слышно выдохнул Майки.

– Какой именно цвет? – задал вопрос командор, имени которого я пока не знала. – Волосы покажи.

Я сначала протянула руку, чтобы снять палантин полностью, но потом передумала.

– Оранжевый цвет радуги. Но я бы не хотела пока снимать покрытие с головы. Если можно, я бы сначала приняла душ. И еще... нельзя ли воды и немного поесть?

– А твою подружку-ниоки? – Мужчина словно не услышал моих слов.

– Тоже в гарем. Мы все там были цветами радуги. Она была – желтым.

Черный пушистый хвост бил хозяина по ногам, пока тот решал, что со мной делать.

– Майки, давай ее сначала в медотсек к Доку, пусть он разберется. Пока она будет там, подберите ей что-нибудь из одежды, подходящее по размеру. – Он брезгливо осмотрел меня. – Идите! А эти ее тряпки утилизируйте. Вонь невыносимая!

Командор развернулся и ушел. Майки вновь опустил забрало шлема, подхватил меня на руки, и мы снова двинулись в путь.

– Майки, какой он расы? – Я все-таки не выдержала и задала вопрос, когда мы уже снова шли по коридору.

– Так ниоки же, – удивленно ответил парень.

– А у моей подруги хвоста не было... – протянула я.

– Она ведь женщина.

– А хвосты только у мужчин-ниоки?

– Разумеется. Ты откуда такая дикая, что ничего не знаешь? – Шлем повернулся ко мне вероятно, Майки смотрел мне в глаза.

– Если бы я еще это знала. Говорю же, амнезия у меня.

Тут мы прибыли к месту назначения. Парень поставил меня на пол и постучал в дверь с табличкой, на которой была нарисована красная капля крови в квадратной рамке. Дверь распахнулась, и из нее высунулся взъерошенный персонаж в белом комбинезоне. Светлые волосы его были взлохмачены, словно он неоднократно запускал в них руки и дергал. Глаза светло-серые, нос прямой, уши обычной округлой формы. Единственное, что физиологически отличало его от меня, – это расположенные на висках короткие тонкие щупы с уплотнениями на кончиках, по одному с каждой стороны. Или, скорее, не щупы, а что-то типа локаторов или антенн, судя по тому, что они двигались. Но надо отдать должное, противно или отталкивающе это не выглядело, скорее умилительно. Но во всем остальном он был совсем как человек. Даже ногти оказались обычными, плоскими и розовыми, никаких когтей.

– Док! – весело позвал Майки. – Я тут тебе пациента привел. Точнее, пациентку принес. Забирай и разбирайся.

– Ух ты, какая вонючая, – восхищенно присвистнул мужчина в белом и жадно уставился на меня. – Заходите!

– Нет-нет, Док! Ты уж сам! – отказался мой провожатый и быстро отошел подальше. – Командор приказал найти ей что-нибудь из одежды. Пойду озадачу Каприла.

– Входи, девочка. – Мужчина посторонился, пропуская меня внутрь. – Это чья кровь? Твоя?

– Нет. Я не ранена. Но ужасно хочу пить, – ответила, разглядывая помещение.

Белые стены, кушетка, лабораторный стол, какие-то приборы, холодильники, несколько медкапсул.

– Так-так-так! – Лохматый Док обошел меня вокруг, размышляя. – Так, дорогуша. Давай-ка ты сначала снимешь с себя вот этот ужас, наденешь одноразовую рубашку, а потом мы тебя просканируем. Топай к той кушетке и раздевайся. Звать как? – Это он крикнул уже с другого конца помещения.

– Элишше.

– Мое имя – Сентар. Но вообще все зовут меня Доком. Так что как тебе самой больше нравится, так и обращайся. А пить я тебе пока много не дам, сначала осмотр.

Пока он доставал для меня из шкафчика временное одеяние, я подошла к кушетке, положила на нее с краю свой сверток. Потом размотала с рук полосы ткани и, не зная, куда их можно выбросить, пристроила рядом. Присев, разулась и освободила ступни. Болезненно поморщившись, осмотрела сожженную солнцем кожу. Подъем стоп зудел, и безумно хотелось почесать красные воспаленные ожоги. Но я держалась, понимая, что сделаю только хуже. Потом размотала с головы палантин. Растрепанная коса упала мне на колени, и рядом раздался восхищенный вздох.

Оказалось, пока я освобождалась от грязных тряпок, Док уже все достал, неслышно подошел и стоял рядом, держа в одной руке стакан с водой, а в другой рубаху. А сейчас, увидев меня без намотанной на голову тряпки, не сдержал эмоций.

– Великие звезды! – пораженно выпалил он, разглядывая мои волосы. – Это у тебя свои такие или наращенные и крашенные?

– Свои, – не выдержав, я улыбнулась.

– Ну все! Пропали наши парни! – Он хохотнул. – А что ты говоришь, жених есть?

– А я ничего об этом еще не говорила, – фыркнула я. – Может, и есть. Амнезия у меня.

– Какая удача! – Док рассмеялся. – Да, девочка. Несладко тебе придется. Похоже, с сегодняшнего дня у наших парней открывается сезон охоты.

– Э-э-э, – нахмурилась я.

– Не экай, переодевайся, – подал мне стакан с водой, а белую рубаху на завязках бросил рядом на кушетку. – Пока буду сканировать, поговорим. А свою гадость суй в утилизатор, – и ткнул пальцем в сторону какого-то агрегата.

Я послушно переоделась, сгребла свои вещи и пошла их утилизировать. Но потом остановилась от пришедшей на ум мысли.

– Сентар! А у вас на корабле женщины есть?

– Нет, – ответил он, не оглядываясь и разбираясь со своим оборудованием.

– А невысокие мужчины?

– Тоже нет, насколько я знаю. А что?

– Да вот думаю, что утону в любом из ваших комбинезонов. Сравни мой рост и твой или Майки. Можно постирать мое платье? Оно не рваное, просто грязное.

– Мугу, – буркнул Сентар, не поворачиваясь.

Я восприняла это как согласие, отнесла вещи обратно на кушетку и положила рядом со своим мертвым грузом. Надо бы какую-то банку попросить...

Док меня полностью осмотрел и взял анализы крови, сделал несколько инъекций: витаминный коктейль, прививки и стабилизатор (чего именно, я так и не поняла). И только после того как у меня прошла легкая тошнота, я снова получила вожделенную воду. Он только головой качал, глядя, как жадно я пью, но говорить ничего не стал и не отобрал.

– В принципе с тобой все в порядке. Солнечные ожоги – это ерунда. Сейчас полежишь в медкапсуле, и все будет в норме. Тепловой удар тоже поправим. Можно еще капельницу... Хотя ты и так отопьешься, организм молодой, сильный. Ты вообще поразительно здорова, даже для человека. Любо-дорого посмотреть, – с удовольствием оглядел он меня.

– Это ведь хорошо? – уточнила осторожно. А то мало ли, может, это ненормально, что я абсолютно здорова.

– Конечно, хорошо. Сразу видно, что за твоим здоровьем следили. Насколько могу судить, ты где-то с месяц назад делала полную регенерацию всего организма. Угадал?

– Гм. Возможно, только у меня ведь амнезия... – развела я руками.

Сентар мне нравился. Смешливый, открытый, он сразу же располагал к себе, в отличие от мрачного командора.

– Док, а можно попросить у тебя какую-нибудь банку? Лучше непрозрачную, например, железную и непременно с плотной крышкой. Примерно вот такого размера, – показала я руками.

– Зачем?

– Для сердца.

– Чего? – озадачился мужчина. У него даже глаза распахнулись.

Я потянулась, подтащила к себе свой сверток и развернула.

– Вот.

Сентар ошалело выругался, да так витиевато, что я не смогла понять ни единого слова из этого набора звуков.

– Объяснись-ка! – сурово потребовал он.

– Я должна доставить сердце своей боевой подруги на Керакато. Это ее последняя воля, а я поклялась. Она погибла. Там, на Шандире. Меня спасла, а сама... – Я часто заморгала, чтобы не заплакать.

– И ты что же, вынула у нее?.. – Во взгляде Сентара сейчас плескался целый коктейль эмоций: жалость, сочувствие, удивление, непонимание. – Как смогла-то без ножа?

– Не знаю! Честно, не знаю. Я была в таком шоке и ужасе, что сама не поняла, как сумела это сделать. Использовала коготь варана, чтобы разрезать... А как смогла обойти ребра и добраться... Не помню!

– Эх, девочка, – покачал он головой. – Будет тебе банка. Ложись пока в медкапсулу, а я позабочусь об этом... – и кивнул на сердце.

В медкапсуле я успела даже немного подремать. Разморило от ощущения покоя и безопасности, и как только смежила веки, так почти сразу и отключилась. Проснулась от тонкого сигнала, сообщающего, что программа регенерации закончена. Открылась прозрачная крышка, и Док помог мне выбраться.

– Ну что? Как ощущения? Ничего больше не беспокоит? – спрашивал он, водя вдоль моего тела портативным сканером. – Как ножки, ожоги больше не зудят?

– Спасибо, Сентар. Все в порядке, – улыбнулась я.

– Чудесно! Просто чудесно! Отличная человеческая особь... – бормотал он. Отложил сканер и потер руки. – Ну что, Элишше, ты полностью здорова. Все прививки и стабилизатор усвоились. Так что можешь смело уходить.

– Сентар, а у вас тут нет душевой? – смущенно спросила, не зная, как объяснить, что выходить в коридоры в таком виде мне не хочется. – Майки говорил, что принесет мне какую-нибудь одежду, но... – обвела я себя рукой, намекая, что мне не мешало бы помыться.

– Ах да! Конечно! Майки уже все принес, вон комплект. – Док указал рукой на стопку одежды на кушетке. – Так, и сейчас проверим, как стерилизатор справился с твоими вещами.

Порывисто развернувшись, он прошел в противоположный конец медотсека. Открыл один из аппаратов и вынул оттуда серую стопку ткани. Встряхнул, придирчиво разглядывая, потом достал из раскрытого зева аппарата мои плетеные сандалии и с довольной улыбкой отправился обратно.

– Стерилизатор – отличная вещь. Все органические вещества убрал. – Док продемонстрировал мне платье, на котором не осталось ни пятен крови, ни разводов от пота. – А пока ты будешь в душе, я еще засуну их в ультразвуковую чистку. Остались следы песка.

Я только кивала, так как не имела ни малейшего представления, что такое ультразвуковая чистка и что именно делает стерилизатор. Главное, что мне вернут вещи в чистом виде.

Душ в медотсеке находился за переборкой, которую я сама не опознала – стена и стена. Но Сентар нажал на кнопку, и панель отъехала, открывая вход в небольшое помещение с душевой кабиной, раковиной и унитазом.

– Справишься? – с сомнением посмотрел на меня мужчина.

Я пожалала плечами, не зная, что сказать. С мытьем-то я справлюсь, только сначала пусть объяснит мне, как что включается и чем можно помыться. О чем и сообщила, после чего получила подробную инструкцию.

Некоторую заминку вызвала необходимость почистить зубы. В оазисе я использовала тряпочку, так как щеток нам не выдавали. А тут... Сентар просто ткнул пальцем в зеркальный шкафчик над раковиной, мол, все там. Но зубных щеток я не видела. Была только коробка с прозрачными удлиненными брусочками из какой-то мягкой субстанции, запакованными попарно в индивидуальные упаковки. Альтернативы не имелось, поэтому принялась изучать инструкцию на упаковке.

Хм.

Оказалось, это именно то, что я искала. Но вот в таком странном виде. Одноразовые

капы, которые необходимо было надеть на зубы и подождать две минуты. Ну ладно...

Вскрыла, вынула, изогнула полукругом и нахлобучила один из брусочков на верхнюю челюсть, как было нарисовано в инструкции. Вещество, из которого они были выполнены, оказалось очень мягким, пластичным и плотно облепило зубы. Капа сразу же зафиксировалась, и я повторила процедуру с нижней челюстью. Закрыла рот, чтобы выждать положенное время, но тут из него как полезла пена... Я чуть не завопила с перепугу! Стояла с отвисшей челюстью и таращилась на творящееся пеноизвержение, не зная, что делать.

Капы пузырились, пенились, и все это лезло и лезло наружу. Боже ж ты мой! Чувствуя себя умственно отсталой – настолько полоумными у меня были глаза в зеркальном отражении, – я смотрела на это, не зная, то ли орать и вызывать подмогу, то ли выждать положенные две минуты.

Хорошо, что не стала кричать и звать Дока. М-да. Ровно через указанный интервал времени с момента активации капы перестали пузыриться и полностью растворились. Я прополоскала рот, как было велено в инструкции, и принялась изучать потери. Вот наверняка же сейчас недосчитаюсь как минимум пары зубов. Но нет... Все зубы оказались на месте, более того, они явно побелели и аж скрипели от чистоты. Это я, не выдержав, потерла их пальцем. Надо ведь было убедиться, что все в порядке.

А спустя мгновение я блаженствовала под тугими горячими струями воды. Какое же счастье! Нет, определенно, в прошлой жизни я мылась в душе, и неоднократно. Потому что это было знакомым, привычным и словно бы само собой разумеющимся. В оазисе у Патагеша я неумело поливалась из тазика. А вот душ – это родное и знакомое. Так же как и жидкий гель для тела, и густой шампунь для волос. И то и другое без запаха, но они прекрасно пенились и со своими функциями справлялись идеально. Хотя пришлось повозиться, пока смогла промыть гриву спугавшихся волос. Как хорошо, что я прихватила с собой расческу! Пусть она совсем простая, но без нее волосы превратятся в колтун. А я сильно сомневалась, что на этом, скорее всего, военном корабле хоть у кого-нибудь есть расческа, способная разодрать такое количество длинных вьющихся волос, как у меня.

Из душа выходила с явным нежеланием. Я так истосковалась по воде, но Сентар ждал... Расчесала еще мокрые волосы и включила режим сушки.

В медотсек входила, снова чувствуя себя женщиной, а не грязной ящерицей, обсыпанной песком.

– О-го-о! – встретило меня восклицание Сентара, уставившегося на мои распущенные и уже сухие волосы, падающие ниже талии. Хотя насчет падающих... это я им льщу и сильно приукрашиваю ситуацию. После сушки они практически встали дыбом, и сейчас меня окружало очень-очень пушистое рыжее облако. Но не идти же было по коридору с мокрой головой, пришлось сушить. Потом мужчина взгляделся в мое лицо: – Да ты красавица! И мордочку почти отмыла. А чего не до конца? Вот эти пятнышки... Мыло не справилось?

– Это веснушки, – пояснила с улыбкой. – Они не отмываются.

– Веснушки? Смешное слово. – Он тоже расплылся в добродушной улыбке. – Одевайся. Хочешь – в свое, хочешь – в комбез, который принес Майки.

В комбинезон можно было упаковать трех таких девушек, как я. Поэтому приложила его к себе, демонстрируя Сентару, где заканчиваются рукава и брючины, и тема с униформой была закрыта. А вот белье, хоть и мужское, надела. Благо трусы, выглядящие как шорты, оказались из тонкой эластичной, хорошо растягивающейся ткани и с меня не сваливались. Неудобно, конечно, но все лучше, чем быть голой под платьем, находясь на корабле,

на котором я – единственная женщина. А футболку, которую предполагалось надевать под комбинезон, решила использовать потом вместо ночной рубашки.

Когда переделалась и обулась в свои сандалии, Док торжественно протянул мне круглую стальную банку с завинчивающейся крышкой.

– Держи! Там сердце, которое ты привезла. Я подверг его криообработке и положил в вакуумный контейнер. Так что не вздумай вскрывать, а то придется повторять процедуру заново.

– Спасибо, Сентар! – Я смотрела на этот стальной цилиндр, не имея сил взять его в руки.

Понимала, что должна, что обещала. Но... Я только сейчас начала понемногу отходить от всего того ужаса, что произошел на Шандире. А этот скорбный груз... Он – напоминание, вечный укор и вечная память о Лиллуко. И не будет мне покоя, пока я не доберусь до Керакато и не похороню его там.

Тут пикинул дверной коммуникатор.

– О! Это за тобой!

Док открыл дверь и впустил Майки. Тот тоже успел переодеться, сменив плотный «уличный» комбинезон на легкий, в каких ходил весь экипаж корабля.

– Элишше? – Парень расплылся в улыбке, разглядывая меня во все глаза. – Отлично выглядишь. Мне командор велел отвести тебя в выделенную каюту. Так что забирай свои вещи, и идем.

Я поблагодарила Сентара за помощь и участие, прихватила стальную банку и вещи. Со своей расческой и палантином расставаться было неохота, футболка мне точно понадобится, ну и комбез взяла – на всякий случай. Может, удастся с ним что-нибудь сделать и подогнуть по фигуре? Хотя в этом я сильно сомневалась.

Коридор, лифт, снова коридор. Народу навстречу попадалось все больше, парни улыбались, говорили какие-то комплименты, пытались знакомиться, но я шарахалась и жалась поближе к своему сопровождающему. Нет, они мне ничего плохого не делали, но напрягал сам факт, что на этой махине, мчащейся среди звезд, нет ни одной девушки, кроме меня. А ну как действительно откроют сезон охоты? И что мне тогда делать?

– Ты чего такая нервная? – со смешком спросил Майки, когда я в очередной раз дернулась и вцепилась в его локоть после одобрительного присвиста, полетевшего нам вслед.

– Станешь тут нервной, если все так реагируют... – буркнула и оглянулась назад.

Точно, стоят, улыбаются и смотрят. Еще и друг другу что-то со смехом говорят. Ой, мамочки! Они когда женщин в последний раз видели?!

– Командор! – внезапно сказал Майки и остановился.

Я обернулась и тоже замерла, глядя на мужчину с черным хвостом, который мрачно смотрел на меня.

– Почему ты не переделалась? – сухо задал он вопрос, кивнув на комбинезон в моих руках. – Это крейсер, а не дамский клуб.

У меня вспыхнуло лицо от такого незаслуженного оскорбления, но и ответить было нечего. Ведь действительно – крейсер, неясно, правда, какого назначения, но явно не туристический лайнер. И таки да, не место мне тут. Спасибо, что подобрали, а не бросили умирать в пустыне.

– Он мне велик, – ответила максимально сдержанно.

– Настолько велик, что ты предпочла ходить в этом жутком балахоне? – вновь

последовал пренебрежительный кивок, но уже на мое платье.

И ведь снова прав! Черт бы его побрал! Не знаю, что такое черт, но точно что-то ругательное. Балахон жуткий, серого цвета, который совершенно не шел к моим рыжим волосам и голубым глазам. Но разве у меня был выбор?!

– Майки, поддержи, пожалуйста.

Без дальнейших объяснений сунула в руки парню стальной цилиндр, футболку, палантин и расческу, сложенные аккуратной стопочкой. А как только он у меня их взял, не глядя на командора, развернула комбинезон, встряхнула и приложила его к себе, придерживая на плечах. Манжеты рукавов повисли где-то ближе к коленкам, а брючины расстелились на полу.

И чего они хотели?! Я ведь и Майки, и командору даже до плеча не доставала. Подняла взгляд на этого неприятного типа и увидела, что он не просто рассматривает меня и форму, а еще к чему-то принюхивается. Ноздри его трепетали, и он даже чуть наклонился вперед.

– Командор? – позвала его, не дождавшись реакции.

– Я увидел, – ответил он через паузу и задал вопросы, от которых я растерялась. – Что это за запах? Чем от вас несет?

– Н-не знаю.

Я принялась. Ничем от меня не пахло. В душ я ходила, все с себя смыла, так терлась мочалкой, что чуть кожу не содрала. А волосы вообще раз шесть промыла. Гель и шампунь у Дока без запаха. На всякий случай подняла руку и понюхала рукав платья. Да нет же никакого запаха! Чего он ко мне прицепился?!

– Простите, я ничего не чувствую. Я только что из душа. И Сентар мои вещи простерилизовал и почистил ультразвуком. Они уже ничем не пахнут и абсолютно стерильны, – пояснила, не зная, как оправдаться.

Я бросила беспомощный взгляд на Майки. Парень тоже явно пытался принюхаться, но, судя по недоумению на его лице, ничего не чувствовал.

Командор мрачно меня разглядывал, заставляя теряться в догадках. Я нервно зацепила прядь волос, поднесла к лицу и вдохнула. Нормальные чистые волосы... Никаких посторонних запахов. Только вот этот ушастый и хвостатый тип явно так не считал.

Ноздри раздувались, лицо злое, взглядом буквально размазывал по стенке...

– Иди! – Брюнет сделал шаг в сторону, освобождая проход. – Из каюты – ни ногой. Увижу, что болтаешься по кораблю, лично выкину за борт.

Суетливо сложив комбез, я уже шагнула, но потом решила уточнить.

– А как быть с комбинезоном? Я могу остаться в своем платье?

– Это не платье, а рабская роба! – отрезал командор.

И опять я не поняла, что делать-то? Можно мне в нем оставаться или придется натягивать на себя этот огромный черный мешок, который форменный комбинезон? Только вот спрашивать не решилась. У черноволосого ниоки был такой вид, что с ним рядом-то стоять стало страшно, не то что глупые вопросы задавать.

И нюхал... Точно ведь, нюхал! Я видела, как подрагивали его ноздри, а хвост нервно постукивал по ноге.

Я бочком обошла его, прижимаясь к стенке, и отошла подальше. Майки меня нагнал, и мы направились дальше.

– Жуткий тип! – прошептала, боясь оглянуться.

Дошли до нужного места, парень набрал комбинацию цифр на замке и пропустил меня

в выделенную каюту.

– Майки, – позвала я, прежде чем он ушел, – от меня действительно плохо пахнет? Может, я принялась и не замечаю? Только скажи правду, пожалуйста.

– Я не чувствую. – Он растерянно пожал плечами. – По-моему, ничем от тебя не пахнет. Поначалу – да. Это ужас был. Но сейчас запаха нет.

– А чего он тогда?.. – Я заморгала, чтобы удержать слезы обиды.

– Элишше, да не расстраивайся. Командор – ниоки. А они имеют крайне острое обоняние и тонкий слух. Подозреваю, что, кроме него, никто никакого запаха от тебя и не учует.

Я кивнула, принимая объяснение, а мой провожатый продолжил:

– Располагайся. Каюта в твоём распоряжении, – улыбнулся на прощанье и ушел, закрыв за собой дверь.

И только тут до меня дошло, что еды мне так и не дали и я не имею ни малейшего представления, когда ее принесут. Я же рассчитывала, что мы отнесем вещи в каюту, а потом меня покормят. Наверняка ведь у них тут есть столовая. И вот, пожалуйста!

Еды не дали, в каюте заперли, выходить из нее запретили.

– «Увижу, что болтаешься по кораблю, лично выкину за борт!» – сердито спародировала я слова командора и добавила: – «И за борт ее бросает в набежавшую волну»^[1]. А сам – невоспитанный мужлан, даже имя свое не назвал.

Откуда вдруг всплыла фраза про набежавшую волну, я не поняла. Наверное, я в душе поэт...

Положила на койку свои вещи, комбез в том числе, и огляделась. Н-да. Серые стены, серый потолок, серый пол, серый коврик, серая металлическая мебель – койка, стол, стул, тумбочка. Встроенный в стену одежный шкаф – внутри тоже серый. Даже зеркало на внутренней стенке одной дверцы не спасало от уныния, отражая пустые вешалки на фоне серых панелей и три графитового цвета полотенца. Я тоскливо посмотрела на темно-серое покрывало на койке.

Приют депрессии!

Неужели все военные и наемники такие унылые зануды, что для них вот этот кошмар – норма? Не сдержавшись, откинула покрывало, чтобы проверить, какого цвета постельное белье. Если тоже серого, то я в таком интерьере через пару дней умом двинусь. Но нет, оно оказалось белым. Ну и то хорошо.

Но самое ужасное, что я в своем светло-сером платье полностью сливалась с обстановкой. Такая же бесцветная и безликая. Поймав себя на этой мысли, решила не заплетать волосы в косу. Пусть будет хоть какое-то яркое пятно в этом уголке страдающего депрессией пессимиста.

Повесила в шкаф черный комбинезон, чтобы немного нарушить кошмарный монохром, и принялась исследовать пространство дальше. У входной двери увидела панельку с кучей кнопок. Разобралась, как включать и выключать свет. Потом ткнула в изображение экрана, и над столом отъехала в сторону дверца, скрывающая встроенную полку. Там обнаружили электронный планшет, нелинованная тетрадь, две ручки и несколько графитовых карандашей.

Планшет переложила на кровать, чтобы разобраться с ним позднее, и принялась дальше изучать каюту. Где-то ведь должны быть туалет и душевая. По крайней мере, я на это сильно надеялась. Нашла! Не сразу, но нашла. Нужно было прижать ладонь к небольшой выпуклости

на стене, и как только я это сделала, переборка отъехала в сторону, и открылся вход в санузел. Стеклянная душевая кабина, стальной унитаз и стальная же маленькая раковина со встроенным над ней шкафчиком с зеркальной дверцей. В нем обнаружили коробку с каплями для чистки зубов, флакон жидкого мыла и крем-дезодорант. В душевой кабине, соответственно, нашлись гель для душа и шампунь – прозрачные и без запаха, такие же, как в медотсеке.

Хоть от жажды не умру, и то хлеб. При слове «хлеб» в животе заурчало, намекая, что водой сыт не будешь, и вообще, ела я последний раз больше суток назад. Скорчив своему отражению в зеркальной дверце шкафчика рожицу, вернулась в каюту. Спустя некоторое время были найдены утилизатор и еще какой-то агрегат. Назначение его поняла не сразу, но, судя по картинке, это, скорее всего, была та самая ультразвуковая чистка для одежды.

Чистить мне пока оказалось нечего, но это навело на мысли о запахе моей одежды. Сняла платье и тщательно его обнюхала, держа в руках. Вот убейте меня, ничем от него не пахло. А учитывая, что шли мы из медотсека до каюты совсем недолго, я даже вспотеть не успела.

Ну ладно, сейчас устрою стирку. И пусть только попробует потом этот противный командор сказать, что от меня воняет.

Выстирала платье гелем для душа, снова тщательно вымылась сама. И волосы опять помыла. Лишним не будет, заодно высохнут без использования сушки, после которой они распушились до состояния копны. Если же их только промокнуть полотенцем и дать просохнуть самостоятельно, то они закрутятся в тугие спиральки. С чувством удовлетворения воспользовалась дезодорантом, натянула на себя белую форменную футболку, которая мне с успехом заменила платье до колен, и, скрестив ноги, устроилась на кровати с планшетом.

Есть хотелось ужасно, но приходилось терпеть. Только периодически ходила и пила воду из-под крана. Ведь вспомнят же обо мне рано или поздно. Может, у них тут обед позже.

Не вспомнили. Обед я не получила.

От расстройства нарисовала в тетрадке карандашом шарж – командора с пририсованными клыками и удлиненными когтями. Подумав, изобразила длинные витые рога, торчащие из густых волос рядом с кошачьими ушами, а на кончике хвоста добавила кисточку. От этого немного полегчало, а обида почти отступила. На следующих страницах набросала портреты Дока и Майки. Получилось очень похоже. Наверное, я раньше часто рисовала, так как карандаш летал по бумаге уверенно и я точно знала, куда и как вести линии.

А есть хотелось все сильнее...

Пришло время разбираться с планшетом. Он оказался легким в управлении, и спустя полчаса я уже отыскала местную общую базу данных, в которую и углубилась. Хоть какой-то источник информации впервые за последний месяц. А потом так зачиталась, что забыла про все на свете.

Выяснилось, что сейчас 3175 год по единому календарю Объединенного Союза. Мне эта цифра абсолютно ничего не говорила, но чувство некоторой неправильности ощущалось. Задала в поиске справочник по расам и... пропала.

Прочитала про шираки и убедилась в своих подозрениях: их раса произошла от рептилий, и правильно их называть не человеко-ящеры, а рептилоиды. Затем прочитала о ританах, валтарах, метсанах. Кое-что я уже знала из общения с девушками в оазисе, но хотелось более полной информации о тех расах, с представителями которых уже сталкивалась. Последние три причислялись к гуманоидам, в отличие от шираки, которые таковыми не считались.

Вообще гуманоидных рас оказалось довольно много. Практически в каждой обитаемой звездной системе жители чем-то да отличались от своих соседей по галактике. Но тем не менее все они имели совместимость на генетическом уровне, и среди них были распространены межрасовые браки. Это считалось нормой. Но, что удивительно, у таких пар рождались дети, наследовавшие либо материнские гены, либо отцовские. Никакого смешения расовых особенностей. За этим строго следил специальный Совет, и при заключении брака обоим родителям делали инъекцию вакцины, исключающей частичную передачу генных признаков. Только весь набор. А уж что именно унаследует ребенок, было неизвестно. Узнавали по факту, как только становилось возможным обследовать плод.

Но тут вступал в роль такой фактор, как рецессивные и доминантные гены. И, несмотря на все предосторожности, человеческая раса активно проигрывала прочим народам. Отсюда и такое редкое явление, как рыжеволосые дети, даже если один из родителей – рыжий. Ген, отвечающий за этот оттенок волос, встречался только у чистокровных людей (то есть в случаях, когда оба родителя люди), а в смешанных браках, за редкими исключениями, дети наследовали гены другого родителя.

Так что среди малышей, рожденных в таких семьях, рыжеволосых не было совсем. В принципе. Этот рецессивный ген не выдерживал конкуренции с сильной кровью других народов, и если даже у пары рождался ребенок человеческой расы, волосы его были любого оттенка, кроме рыжего.

Заинтересовавшись этой темой, я стала копать дальше и с большим интересом узнала, что, оказывается, ген, отвечающий за голубой цвет глаз, тоже рецессивный. Так что в большинстве случаев рыжеволосые люди рождаются зеленоглазыми. Зато не могло не радовать наличие у меня двух доминантных признаков: веснушек и вьющихся волос. Лично мне и то, и другое в себе нравилось.

Открыв рот от изумления, я рассматривала голограммы-иллюстрации представителей разных народов. Изучить такой объем информации сразу было невозможно, я это понимала. Поэтому пока пролистывала, чтобы хотя бы внешне научиться их различать. Интересно, какой расы Сентар? А Майки? У Дока отличительной особенностью являлись короткие

щупы-локаторы на висках, а вот Майки выглядел почти как человек. Светло-карие глаза, коричневые волосы, симпатичное открытое лицо, только вот на пальцах рук у него по четыре сустава и кончики ушей не округлые, а немного заостренные. Кстати, вот такие четырехсуставные пальцы встречались у многих народов. Уж не знаю, чем руководствовалась эволюция на их планетах. По мне – так это ужасно неудобно.

Следующими были ниоки, выходцы с Керакато.

Но только я начала читать, как что-то пиликнуло, входная переборка отъехала, и в мою каюту решительно вошел командор.

– Элишше! – сухо поприветствовал он меня.

– Командор! – отозвалась ему в тон и, встав с кровати, одернула футболку.

– Ты не одета, – констатировал он, оглядев меня.

– Да, – ответила безэмоционально. Что еще тут скажешь?

А этот ушастый тип опять начал принюхиваться. Нет, ну это уже просто наглость и хамство!

– По вашему приказанию я повторно приняла душ, еще раз промыла волосы и сменила одежду, – ядовито сказала, глядя на черный мохнатый хвост, который постукивал хозяина по ноге.

– Я не отдавал такого приказа. Но тем не менее от тебя все равно пахнет.

– Ну извини... те! – И все-таки посмотрела ему в глаза. – Я ведь живой человек, а не пластиковая кукла без запаха. От вас, знаете ли, тоже не цветочками пахнет. Но я же молчу.

На самом-то деле от командора пахло приятно. Тонкий, горьковатый запах одеколona хорошо ему подходил. Но ведь правда же – не цветочный аромат!

У мужчины приподнялись брови в намеке на удивление, но я, насупившись, не отводила взгляда.

– Оденься!

– Да с удовольствием! – проворчала тихонечко, достала из шкафа необъятный комбинезон и ушла с ним в душевую.

Там натянула его на себя вместо футболки, закатала брючины и рукава, чтобы они не волочились, и вернулась в каюту. Натте, любуйтесь! Желали видеть меня в этом черном огромном кошмаре? Получите!

– А почему не в том твоём ужасном балахоне? – хмыкнул ниоки, оглядев мою субтильную фигуру. Прошелся взглядом по закатанным толстыми валиками рукавам и штанинам. Полюбовался на пояс, болтающийся где-то в районе паха.

– Вы же сказали, что от меня воняет. Я платье постирала. Оно еще сохнет, чтобы точно весь запах ушел, – независимо заявила и одернула комбинезон.

– Я не говорил, что воняет от платья, – невозмутимо заявил этот... хам! – Я сказал, что от *тебя* пахнет.

Я зыркнула на него, но промолчала.

– Как ты устроилась? – сменил он тему. – Есть жалобы?

– Есть, – тут же согласилась я.

– Слушаю! – Он прошел без приглашения и уселся на стул, стоящий у стола.

– Меня до сих пор не покормили. Из-за вашего приказа я не могу выйти из каюты, а сюда мне тоже ничего не принесли. Между прочим, даже работорговец не морил нас голодом, – добавила с обидой и тоже села, но на койку.

– Ты что, весь день ничего не ела? – Вот тут в его голосе появилось искреннее удивление.

– А как бы, интересно, я поела, если меня заперли?! – возмутилась я. – Хорошо хоть вода в душевой есть. Вот ее и пила весь день. Это негуманно вообще-то – морить человека голодом. И нечеловека тоже... негуманно, – добавила, заметив движение его хвоста.

– Это недоразумение, приношу извинения. Полагал, что Док накормил тебя еще в медотсеке, а сам я освободился только сейчас. И кстати, тебя не запирали. Ты могла выйти в столовую, хотя я и не приветствую твои хождения по кораблю. В твоих же интересах, – пояснил он и, считая инцидент исчерпанным, пододвинул к себе раскрытую тетрадь, лежавшую на столе.

С интересом рассмотрел портрет Майки, потом Дока, затем пролистал страницы назад и... По лицу мужчины пробежала непередаваемая гамма эмоций, а я почувствовала, что заливаюсь краской. Ой, как стыдно-то! Сейчас что-то будет! Наверное, выполнит свое обещание и выкинет меня с корабля в открытый космос.

– Ты талантливый художник, – спокойно поведал он мне. Лицо его снова стало бесстрастным, только в глазах мелькали искорки смеха, и я с облегчением выдохнула. Кажется, казнь отменяется.

– Извините, – буркнула и опустила взгляд, ощущая, как полыхают щеки и уши.

– Рисунок я заберу. Не возражаешь?

М-да, попробуй тут скажи слово против! Командор, не дожидаясь моего ответа, аккуратно вырвал листок со своим изображением из тетради, сложил и убрал в карман.

– Не возражаю. Я еще нарисую, – сказала мстительно, не глядя на него.

Наверное, мне показалось, что раздался тихий смешок.

Ниоки ничего не ответил, так что, просидев почти минуту в гнетущей тишине, не зная, куда деваться от стыда, я решила перевести тему:

– А в каюте Майки меня все-таки запер. Я не смогла открыть выход из нее.

– Иди сюда! – Брюнет встал, подошел к панели управления на стене и обернулся ко мне. – Что из этого ты уже освоила?

– Свет, утилизатор, вот эту штуку – полагаю, это чистка для одежды – и полочку над столом, – пояснила, указывая пальцем на соответствующие кнопки. – Остальные побоялась нажимать, так как на них ничего не написано, а что обозначают эти символы, я не знаю.

– Майки получит сутки дежурства вне очереди, – флегматично обронил командор. – Он должен был учитывать, что сама разобраться ты не сможешь и тебе необходимо все показать и объяснить.

– Да... – попыталась я заступиться за парня, но, увидев взгляд зеленых глаз с вытянувшимися в щелочку зрачками, быстро заткнулась.

– Смотри сюда и запоминай! Открывается вот так...

Итак! Оказывается... В каюте еще имелись: коммуникатор, робот-уборщик, дополнительный стул, выезжающий из стены, и... иллюминатор. Точнее, не иллюминатор, а экран, на который передавалось изображение извне или одна из множества заложенных в память программ. Как же я ему обрадовалась, не передать. О чем и заявила, воскликнув:

– Какое же счастье! Думала, сойду с ума в этих кошмарных серых стенах, а так хоть что-то яркое и живое!

– Это стандартная каюта, – пожал плечами командор. – Она пустовала, соответственно,

на ней нет налета индивидуальности. Обычно экипаж привносит в свои жилые помещения что-то личное, и они становятся живее. Что тебе установить на экране?

– Ну... Звезды?

И спустя минуту, задохнувшись от восторга, я любовалась на бесконечный космос. Жутко, но красиво.

– Еще вопросы? – нарушил мое созерцание мужской голос.

– А холодильника тут случайно нет? – задала вопрос, не надеясь на чудо. Но есть хотелось ужасно!

– Нет. Но есть пищеблок. Вот из него ты и должна была получить обед и ужин. А если бы понадобилось, то и полдник. Вода в душевой не предназначена для питья.

Зеленые глаза посмотрели на меня с насмешкой, но я сжала зубы и промолчала. Хотя сказать ему кое-что ласковое – ох как хотелось!

Мужчина нажал на кнопку с изображением овала и двух скрещенных палочек над ним, и над столом открылся еще один отсек, встроенный в стену.

– Смотри, – продолжил меня инструктировать ниоки, переместившись к столу. – Вот это – меню. Выбираешь из него нужное блюдо, набираешь соответствующий номер и получаешь еду. Это для тех случаев, когда член экипажа не может поесть в общей столовой. Разумеется, это не свежеприготовленная пища, а консервированная.

– То есть для меня, – подвела я черту. – Вы ведь против того, чтобы я выходила из каюты.

– А ты хочешь бродить по палубам в этой своей полупрозрачной серой тряпке, чтобы экипаж провожал тебя голодными взглядами? Нет, в принципе я понимаю, что для гаремной девицы подобное – норма. Но, повторюсь, это – крейсер, а не бордель.

От прозвучавшего оскорбления я дернулась, как от пощечины. Хотела привычно промолчать, сжав зубы, но...

– А вам не приходило в голову, командор, что те, кого вы назвали «гаремными девицами», не по своей воле оказались в рабстве? Вы полагаете, мы стремились к такой жизни? И та несчастная валтарка, которая буквально погибала в климате Шандиры без привычных вод родного океана. И ританки, похищенные с разбитого туристического лайнера. И метсанка, лелеявшая цветок в горшке, чтобы хоть как-то восполнить необходимость общаться с растениями. Ладно я... У меня амнезия, и я ничего не помню о том, что со мной было до того, как попала в рабство. А ниоки, вдвоем с которой мы сбежали от работорговца? Она была пилотом! Понимаете? Пилотом! И кстати, вашей соотечественницей. Но ей тоже не повезло, ее сбили, и она оказалась в руках пиратов, а потом и работорговца. И погибла уже после побега. Меня спасла, а сама погибла. И вы смеете упрекать нас в этом?! – Голос предательски сорвался. Сглотнув горький ком, я часто заморгала. Еще не хватало расплакаться перед этим надменным снобом.

Ох, Лиллуко. Верю, ты была другой, не такой бесчувственной скотиной, как этот представитель твоей расы. Жаль, что мы так и не смогли узнать друг друга получше и подружиться. Я потеряла лоб и бросила взгляд на стальной контейнер с ее останками. Ужасное соседство, но выбора у меня не было.

Командор выслушал меня с каменным лицом, только желваки перекатывались. А когда я выдохлась, произнес:

– Элишше, снова вынужден извиниться. Я высказался необдуманно и оскорбил тебя и других девушек. Прости. Это не отменяет первой части моих слов – тебе действительно нельзя разгуливать по кораблю в том тонком, почти прозрачном, платье, если не хочешь

любовных приключений. Так что, изолируя тебя, я действовал в твоих же интересах. Но...

– Но?

– Я уже приказал доставить для тебя одежду с корабля сопровождения. У них в экипаже есть женщины, и должна быть форма твоего размера. Как только вещи придут, я сниму запрет на твой выход из каюты. Только сделай что-нибудь с волосами, заплети или заколи, но с распущенными не гуляй. Допуск на жилой палубе у тебя будет открыт без ограничений, на той, на которой находятся медотсек и столовая, – частично. На прочие палубы без сопровождения не лезь.

– Спасибо, – сухо поблагодарила, села за стол и уставилась в столешницу.

Как-то выдохлась я морально и физически. Устала от всей этой грязи, смертей, необоснованных обвинений, собственной беспомощности. От того, что ничего не понимала и не знала, что меня ждет в будущем.

– Что тебе заказать из еды? – нарушил тяжелую тишину командор.

– Все! Я двое суток не ела. Только учитывайте, что я человек.

Ниоки нажал на кнопки, и спустя пару минут из пищеблока выскользнули несколько контейнеров. Я оценила их количество, размер, поняла, что скончаюсь от обжорства, если съем все это, и вопросительно посмотрела на мужчину.

– Это тебе, – пододвинул он ко мне несколько коробочек. – А это – мне. Составлю тебе компанию. Надо убедиться в том, что ты поешь. А то еще помрешь на моем корабле, а меня потом под суд отдадут за убийство разумного существа с особой жестокостью посредством уморения голодом.

Я только вздохнула, так как он был недалек от истины. Еще несколько часов, и я бы упала в голодный обморок. Боюсь, нашли бы меня только в том случае, если бы робот-уборщик поднял тревогу по поводу того, что не может справиться с особо крупным мусором...

– Спасибо. – Я вскрыла нечто, оказавшееся густым супом-пюре, и взяла в руки ложку. – А как вас зовут? Вы до сих пор не назвали мне своего имени.

Командор неспешно принес себе второй стул, вынув его из ниши в переборке, сел. Так же неторопливо вскрыл контейнер с жареным мясом. После чего посмотрел на меня.

– Акир кон Като. Но мне привычнее, когда меня зовут командором.

– А из какого клана? – блеснула я своими познаниями.

– Из клана Черных пантер.

– Хм... – Я проглотила ложку супа. – А пантеры ведь по определению всегда черные. К чему такое уточнение?

– Поясни, – с непонятной интонацией попросил мужчина.

– Ну... Я бы поняла, если бы было название клана: Черные ягуары или Черные леопарды. Тогда обозначение цвета обоснованно, учитывая, что все прочие представители этого семейства пятнистые. А если пантеры и так всегда черные, то зачем указывать это в названии клана? Нет, вы не подумайте ничего плохого, – поспешила пояснить. – Мне действительно интересно.

– Занятные у тебя познания о видах кошачьих. А говоришь, что у тебя амнезия и ты ничего не помнишь, – с иронией сказал Акир.

Я поморгала, глядя в его глаза. Неправильные, кстати, глаза. Вытянутые зрачки – у обычных кошек, а у крупных кошачьих зрачки должны быть круглыми. Объяснить свои такие выборочные познания в разных областях жизни я не могла, пришлось вернуться к еде.

Аппетит свой я, как водится, переоценила. Суп съела, а вот на прочее сил не хватило, но и отправить несъеденное в утилизатор рука не поднималась. Только с завистью понаблюдала за тем, как ел командор.

– Еще вопросы есть? – спросил ниоки, закончив ужинать.

– Миллион! – подтвердила с готовностью. – Но не сегодня, если можно.

– Разумеется. У меня к тебе тоже масса вопросов. Я именно за ответами на них и пришел, но не предполагал, что ты голодна. Так что перенесем разбор ситуации на завтра.

Он встал, отправил свои пустые контейнеры в утилизатор и протянул руку к моим, еще не вскрытым. Я быстро подгрела их к себе и покачала головой:

– Я чуть позже доем.

Встала из-за стола, чтобы проводить гостя, и замерла посреди комнаты, чинно сложив руки перед собой. Акир осмотрел меня и мой нелепый наряд, но комментировать, к счастью, не стал, направился к выходу. Открыл дверь, а потом обернулся и сообщил:

– И все-таки от тебя пахнет, и сильно. Мне будет сложно.

– Что?! – опешила я. – Но я же...

– Я не говорю – воняет. Грязь и кровь ты смыла. Но пахнешь – ты.

– Но я же воспользовалась дезодорантом! – с досадой воскликнула, уже не зная, как реагировать. – И волосы промыла несколько раз!

– Ничего ты с этим не сделаешь. Индивидуальный запах тела смыть невозможно. Но я постараюсь привыкнуть и притерпеться. – Не дав мне ничего возразить или возмутиться, он вышел и закрыл за собой дверь.

– Тьфу! Кошак! – зло прошипела я.

Утро началось с назойливого пиликания. С трудом разлепив глаза, я села и с недоумением попыталась разобраться, что за противный звук меня разбудил. Звук повторился, и до меня дошло, что в коридоре кто-то стоит и настойчиво требует, чтобы ему открыли. Прощлепав босыми ногами по теплomu пластику пола до двери, открыла и увидела подтянутого мужчину, держащего в руках запечатанный пакет. Судя по форме ушей и строению кистей рук, мужчина был одной расы с Майки.

– Доброе утро. Командор приказал передать этот пакет и сообщить, что желает побеседовать с тобой ровно через час, – сообщил мне визитер.

– О! Спасибо, – приняла я из его рук сверток. – А как я смогу его найти?

– За тобой зайдут через сорок пять минут и проводят. Будь готова.

– Спасибо. А как твое имя?

Что ж они все такие невежливые, эти инопланетяне? Почему никто не представляется? Или не принято? Но я так не могу.

– Каприл, – сухо представился мужчина, развернулся и ушел.

– Очень приятно, – проговорила ему в спину. – А я – Элишше.

Ответа не получила, так что, пожав плечами, пошла разбираться с тем, что мне принесли.

Разорвав упаковку, вывалила на кровать свой новый гардероб. Два комплекта простого гладкого эластичного белья белого цвета, две белые же футболки и две пары носков. Черные легкие ботинки с упругой подошвой, застегивающиеся на липучки. И комбинезон глубокого синего цвета со стальной фурнитурой. При всей похожести кроя комбинезона на те, что носил экипаж на этом корабле, было видно, что данный конкретный – женский. Что

удивительно, все вещи оказались моего размера. Даже ботинки и носки.

Приняв душ и воспользовавшись дезодорантом – чтоб этого командора с его обонянием! – оделась в новенькие вещи и заплела волосы в пышную косу, так как жалко было расчесывать и пушить кудряшки. Остаток времени провела, завтракая и пролистывая в планшете справочник по расам.

Ровно в назначенное время за мной пришел очередной немногословный мужчина. То ли командор специально выбирал таких мрачных типов, то ли я была чем-то неприятна данному индивидууму, но говорить он со мной не пожелал. Молча проводил в нужное место, передал с рук на руки Акиру и удалился.

– Доброе утро, Элише. Как твое самочувствие? – поприветствовал меня сидевший за письменным столом брюнет и отложил в сторону планшет.

– Доброе утро, Акир. Ой, то есть командор, – ответила я, оглядываясь.

На личную каюту это помещение не походило. Скорее, гибрид кабинета и лаборатории.

– Ничего страшного, можно Акир. Ты ведь не моя подчиненная. Пока... – спокойно ответил ниоки и приглашающе указал мне на стул перед его столом. – Присаживайся и давай поговорим.

– Я слушаю, – послушно присев, посмотрела в его глаза. Обратила внимание на то, что он снова принюхался и, судя по досаде, промелькнувшей на лице, то, как я пахла, ему определенно не нравилось.

– Вам так неприятен мой запах? – не удержалась и спросила.

– Отчего же неприятен? От тебя пахнет очень хорошо. Слишком хорошо, если уж говорить прямо, – дрогнули в улыбке его губы. – Это отвлекает и раздражает.

– Н-но...

– Оставим это. Вижу, что вещи подошли по размеру, – осмотрел он мой новый наряд.

– Да, спасибо. Размер подошел. Даже обувь, – вежливо отозвалась я.

– Отлично. Тогда для тебя передадут дополнительный сменный комплект. А теперь расскажи мне по порядку все, что с тобой произошло, и все, что ты помнишь.

– О себе я ничего не помню, – предупредила сразу. – А началось все около месяца назад. Проснулась... – Потом я подробно пересказала все, что случилось за то время, пока была в оазисе. Закончила побегом и тем, что осталась одна в пустыне возле маяка.

– И часто этот Патагеш практиковал физические наказания? – скрипнув зубами, уточнил командор, когда я закончила.

– Не сказала бы, что часто. Лично мне попало всего один раз, в самом начале. После карцера я стала осторожнее. Остальным девушкам – когда как. В зависимости от их темперамента. Чаще всего доставалось ританкам, очень уж у них взрывной характер.

– А сообщить координаты этой базы работоторговца можешь?

– Нет. Я их не знаю.

– Хорошо, вернемся к тебе. Что ты умеешь?

Я некоторое время молчала, пытаюсь сообразить, что же могу делать.

– Знаете, Акир, учитывая мою амнезию, сказать, что я умею, весьма проблематично. Вот уже здесь, на корабле, я выяснила, что могу рисовать. Кроме того, я знаю, как пользоваться планшетом и, скорее всего, компьютером.

– Компьютером? – непонимающе переспросил он.

– Вот этим прибором, – указала я на устройство, расположенное на его столе.

Прибор, правда, казался мне немного непривычным, но, с другой стороны, откуда я могла знать, что мне привычно, если ничего не помнила? Но ассоциация родилась именно с компьютером. Большой плоский экран, расположенный перед командором под углом

на специальной подставке. Рядом с ним – выносной блок серебристого цвета. Процессор – щелкнуло в мозгу...

– Информационный блок?

– Мм... Вероятно. – Мысленно я этот прибор отчего-то упорно называла компьютером.

– Так. Для начала я поручу Доку провести некоторое количество тестов, чтобы выяснить, что ты помнишь и что может всплыть в процессе тестирования. После этого будем решать, что с тобой делать дальше. А какие у тебя планы? Что ты собиралась делать после побега?

– Та девушка, ниоки, собиралась принять меня в свой клан в статусе котенка. Она знала о моей амнезии и собиралась помочь, дав возможность начать жизнь сначала. Но сейчас... Она погибла, соответственно, у меня нет никаких перспектив. Единственное, что я поклялась сделать, – это отвезти на Керакато ее останки. Собственно, все. Надеюсь, память со временем вернется, и тогда я хотела бы уехать к себе домой. У меня, наверное, была семья...

– А сколько тебе лет? – пристально взгляделся в мое лицо командор.

– Понятия не имею. Выгляжу примерно на восемнадцать человеческих лет. Но сколько на самом деле?..

Ниоки задумчиво побарабанил по столу когтями. Они у него оказались более крупными, чем у Лиллуко, она ведь была девушкой. Но форма та же. Интересно, если такими когтями по врагу тяпнуть – распоросует до костей или нет? И еще любопытно, а этот мужчина делал генную модификацию? Вот некоторые ритане делают, а он?

– Командор, а можно узнать о вашем корабле? Ну... Куда и зачем вы летите? Это военный крейсер? Если это так, то мне, наверное, нельзя тут оставаться?

– Нет, крейсер у меня не военный. Это исследовательская экспедиция. С нами в тандеме летит еще один такой же, но на нем больше научных сотрудников. В данный момент мы направляемся в квадрат оранжевого карлика номер... Впрочем, его номер тебе ничего не скажет. По пути будем делать остановки в двух системах. Так что, если пожелаешь, можешь там сойти.

– А потом? После того как завершите работы в области этого оранжевого карлика?

– Вернемся на базу, – ответил командор, загадочно хмыкнул, когда я договорила, и бросил быстрый взгляд на мои волосы.

– Судя по тому, что вы пролетали мимо Шандиры, двигались со стороны Керакато? И потом вернетесь в ту же сторону?

– Не совсем. Но общее направление примерно то же. – Командор, совсем по-кошачьи наклонив голову, с интересом наблюдал за моими размышлениями.

– Можно я с вами останусь? Понятия не имею, чем могу быть полезной, так как не знаю своих возможностей. Но если что, смогу выполнять какие-то мелкие поручения... Хотя, наверное, у вас и так куча подчиненных, и мои жалкие попытки принести пользу будут неуместны, – загрустила я.

До меня донесся смешок, и я с надеждой уставилась в зеленые глаза.

– Поговорим после тестов у Дока. А теперь – иди! – Последний приказ был отдан уже без малейшего намека на улыбку и доброжелательность. Сухо и отстраненно.

– Есть, командор! – Среагировав на интонацию, я резко встала, щелкнула каблуками, вытянувшись по стойке «смирно», и отдала честь, приложив кончики пальцев к правому виску.

– Занятно... – с иронией обронил Акир. – Может, и правда оставить тебя в экипаже? Нам как раз не хватает аниматора.

– «Цирк уехал, а клоуны остались», – пробормотала я невесть откуда пришедшую на ум фразу. Потом посмотрела в глаза ниоки. – Прошу прощения. Мне кажется, это прорываются мои воспоминания, только почему-то вот в такой странной форме.

– Возьми, это персональный коммуникатор. – Он пододвинул ко мне по столу наручные часы на широком браслете. Хотя нет, не часы. Некое электронное устройство с плоским экраном. – Кроме всего прочего, в него введен навигатор, чтобы ты не блуждала по крейсеру. Сопровождать тебя некому. Учítывая, что в твоём имени слишком много шипящих звуков, твой позывной будет – Радуга. Не возражаешь?

– Нет, – пожалала я плечами, надевая коммуникатор на левое запястье. – Радуга так Радуга. Почему бы и нет. Оранжевым цветом я уже была...

– Там же распорядок дня и часы приема пищи. Опоздаешь – будешь есть консервы из пищеблока. А сейчас иди, Док тебя уже ждет.

Посчитав, что со мной ему больше говорить не о чем, командор пододвинул к себе планшет и включил его. А я вышла за дверь и несколько раз глубоко вздохнула, успокаиваясь. Сама не осознавала, насколько сильно я переживала. И только оставшись наедине с собой, поняла, как же сильно нервничала во время этой беседы и как боялась решения командора. Наедине с собой я была, разумеется, условно – мимо проходили члены экипажа, но со мной никто не заговаривал, хотя поглядывали с интересом.

– Ну что же... Мне нужен медотсек, – пробормотала я и, включив свой наручный мини-компьютер, точнее, коммуникатор, стала искать в нем навигатор.

– О! Элишше! – радостно поприветствовал меня Сентар. – Ну что? Как ты? Отошла от вчерашнего? Освоилась?

– Доброе утро, Док, – улыбнулась я симпатичному мужчине, открывшему мне дверь, и вошла. – Спасибо, вроде отошла. Отъесться только никак не могу, но это быстро пройдет, я ведь недолго голодала.

– Да-да, – покивал он. – Питаться тебе надо лучше. Слишком уж ты хрупкая. Двумя пальцами переломить можно.

Я неопределенно хмыкнула и не стала комментировать. Ну да, лишним весом я не страдала, но и не скелет ведь, просто очень стройная. Хотя помнится, Патагеш тоже ругался, что я слишком худая, подержать не за что, и поглаживал при этом свое толстое пузо. А я и рада была бы поправиться, но не получалось. Слишком сильно нервничала и переживала, похоже, все калории сгорали в этом нервном напряжении.

– Командор мне уже сообщил о необходимости тебя протестировать. Готова? Тогда идем! – И снова, не дожидаясь ответа, мужчина подтолкнул меня к выходу. – В лабораторию!

Лаборатория потрясла воображение. Множество столов, уставленных приборами неясного мне назначения. Персонал в белых комбинезонах и в защитных очках. Какие-то колбы, пробирки, реторты, стеллажи с оборудованием. Впрочем, нам оказался нужен не этот зал, а смежный с ним. В лаборатории Док захватил инъектор с ампулами, и я напряглась. Уколов мне не хотелось, но спорить не решилась.

Вошли мы в помещение по соседству, в котором стояла кабина с креслом, от которого тянулись провода. Помимо этого еще несколько более компактных приборов виднелись на столах.

– Так, девочка. Для начала сделаем общий тест, а потом по областям, – радостно сообщил мне Сентар, и не успела я опомниться, как он что-то вколол мне в плечо прямо через рукав. – Это стабилизатор. Ты должна сосредоточиться и не паниковать.

Он усадил меня в кресло, надел на голову шлем с кучей проводов, и процесс пошел. Перед глазами замелькали картинки, цифры, тексты, объемные голограммы... Как именно все должно происходить, я не имела ни малейшего представления, поэтому послушно все просмотрела. Когда программа закончилась, даже расстроилась, так как многие виды планет были мне интересны. Я их раньше наверняка не видела.

– Элишше, пересаживайся вон туда, – велел Док, сняв с меня шлем, и указал нужное место.

– А результаты?

– Все потом.

Следующие приборы работали по схожей схеме, но вместо шлема полагалось надевать наушники и очки, показывающие голографические изображения. Весьма необычные ощущения возникали при этом. Словно смотришь на что-то своими собственными глазами, а не любишься внутренней стороной очков. В наушниках звучали разные вопросы, и нужно было нажимать на кнопки прибора, отвечая «Да», «Нет» или «Не уверен». Затем последовал психологический тест, который я прошла довольно быстро, что понравилось Доку. И так далее. Закончили мы часа через четыре, и к тому времени я чувствовала себя абсолютно выжатой.

– Ну что, дорогая моя! Мы закончили, – сообщил Сентар, выпутывая меня из проводов очередного прибора.

– А могу я узнать?..

– Психологический портрет соответствует возрасту взрослой человеческой особи примерно двадцати пяти лет от роду. Ты определенно неплохо образованна. Познания в математике, физике, химии и биологии хоть и не углубленные, но имеются и соответствуют уровню явно не начальной школы. Вероятнее всего, ты училась в каком-то высшем учебном заведении. Но гораздо сильнее у тебя развито образное мышление. Я бы сказал, что ты в душе творец или как-то связана с художественной областью. Затрудняюсь только назвать, с какой именно. Что еще? Хорошо впитываешь информацию и определенно привыкла работать с большими объемами оной. Либо много читала, либо много училась, либо и то, и другое. Из чего делаю вывод, что росла и жила ты в крупном городе. Сельские жители живут более размеренно и не поглощают информацию в таких колоссальных объемах, как горожане. Но при этом тебя совершенно не тронули никакие рекламные ролики из множества миров, то есть они тебе неизвестны, хотя их крутят по всем каналам головиденья. Также остались неузнанными виды тех планет, которые ты сейчас наблюдала. Значит, ты не оттуда. Иначе подсознание все равно сработало бы на узнавание. Что еще... А! Про творца... Ты бурно реагировала на картины, статуи и голограммы особенно красивых природных достопримечательностей. Но при этом испытывала явное удивление от большинства из них, а от некоторых настоящее замешательство. То есть ранее ты их не видела. Точные науки такой реакции не вызывали. Ты что-то знаешь, что-то нет, но относишься к этому абсолютно равнодушно. Они не являются для тебя приоритетными.

Я стояла, слушала все это и только ресницами хлопала. Я была художником? Или?..

– Командору заключение я отправил. Если хочешь, потом на твой планшет тоже скину. Изучишь на досуге.

– Хочу! – закивала я. – А я рисовать умею! Вчера вечером выяснила это.

– Во-о-от! – поднял указательный палец Док. – Я же говорил! Приборы не обманешь.

А сейчас идем в столовую, время обедать.

Я с сомнением покосилась на приборы, которые якобы нельзя обмануть, но спорить не стала. Вон сколько о себе узнала. Оказывается, я горожанка с какой-то планеты на краю галактики, при этом отучилась в высшем учебном заведении и пусть немного, но разбиралась в химии, физике и математике. Поскреблась в памяти и печально констатировала, что помнило эти области наук исключительно мое подсознание. А еще я – творец! Интересно, что же я натворю в этой новой жизни?

В столовую входила с опаской. Одна, наверное, еще долго не решилась бы сунуться сюда, добывая еду у себя в каюте из пищеблока. Но в компании Дока идти было не так страшно.

Просторный зал был полон мужчин, парней и самцов разных рас. Все они сидели за столами, переговаривались и ели, но как только я переступила порог вслед за Доком, повисла тишина. И взгляды... тяжелые, оценивающие, любопытные, жадные, голодные. Я аккуратненько подцепила Сентара под локоть, и мы двинулись к месту раздачи еды.

Ужас!

Мы уже дошли до середины зала, когда народ отмер, и посыпались оклики.

– ...Док, это твоя новая помощница?

– ...Док, мне срочно нужен медосмотр! Можно я приду к тебе?

– ...Док, а...

Я вздрагивала от каждого выкрика, а Сентар невозмутимо отшучивался и неумолимо двигался в нужном направлении. Получив на подносы выбранные блюда, мы с Доком направились к свободному столику. Нет, скорее всего, я не трусиха и не истеричка (пока не знаю, но надеюсь на это), но... Честно, было очень не по себе под всеми этими взглядами. Едва дыша и не поднимая глаз от тарелки, я ела и старалась отрешиться от нервирующей обстановки.

– Элишше, да успокойся ты, – со смешком сказал Док. – Ну соскучились парни по девушкам. Ничего страшного ведь не происходит.

Я кивнула, украдкой покосилась на сидящих за соседним столиком мужчин и едва не поперхнулась. На меня с интересом смотрел... как бы это помягче выразиться... большой пернатый, гм, человекоптиц? Птичечеловек? Все тело данного инопланетянина было покрыто перьями насыщенного синего цвета. На голове – ярко-оранжевый хохолок. Глаза круглые, совершенно птичьи и тоже пронзительно-оранжевые. Вместо носа и рта – клюв темно-коричневого цвета. Телосложение также значительно отличалось от гуманоидного. Во-первых, два крыла, сложенные за спиной. Во-вторых, руки – перьевого покрова заканчивался на запястьях, и хорошо были видны сухие шестипалые кисти с короткими тупыми коготками на пальцах. Какие у него ступни, оставалось неясным, так как обут данный персонаж был в некое подобие ботинок с высоким голенищем. Предположительно – это самец, но никаких половых признаков я не обнаружила, так что оставалось верить словам командора, что на корабле только мужчины. Встретившись со мной взглядом, этот мужчина (или правильнее все-таки самец?) несколько раз совсем по-птичьи моргнул и наклонил голову.

– Элишше, – со смешком позвал меня Док. – Прекрати таращиться на нашего штурмана.

– А? – Вздвогнув, я отвела взгляд от птичечеловека и прошептала: – Извините. Не хотела показаться невежливой, просто он такой красивый.

Сентар фыркнул и бросил быстрый взгляд на штурмана, а тот неожиданно расхохотался курлыкающим смехом.

– Крл, крл... – примерно так это звучало. – Смешной у тебя птенец, Док. Она мне нравится. Такая же ор-ранжевая, как наши малыши.

– Ну ты уж скажешь, Каррт, – ответил Док. – Она уже взрослая девушка и чистокровный человек, между прочим.

– Это вам она взр-рослая, – снова с булькающим «крл-крл» хохотнул штурман. – А для меня – самый настоящий желтоклювый ор-ранжевый птенец. Как тебя зовут, крошка?

– Элишше, – ответила я, чувствуя, как лицо и уши заливают жаркой волной. – Но по коммуникатору позывной – Радуга. Так сказал командор.

– Ну р-раз командор-р сказал, то значит – Р-радуга. Хотя по мне, так ты – Солнышко. А я – Каррт, штур-рман. Если кто будет тебя обижать, говор-ри, что ты под моей опекой. Надежи птенцов в обиду не дают.

– Спасибо, Каррт, – благодарно улыбнулась я этому существу.

– Эй, пар-рни, – громко крикнул он, повернувшись в сторону обедающих мужчин. – Кто начнет хвост р-распускать и попытается этого птенчика потоптать, отор-рву все, что отрывается. Меня поняли?

– Ну, Каррт! Что ж ты за ндеж такой?! Ни себе, ни другим! – воскликнул один из молодых мужчин с щупами-локаторами на висках, как у Дока.

– И правда, Каррт! – поддержал его с другого конца зала симпатичный ританин. – Может, девушка совсем не против нашего общества.

– Вы мне поговор-рите, балбесы! – добродушно отозвался Каррт и погрозил залу кулаком. – Отор-рву вам то, что ниже пояса, а потом р-разбир-раться буду, кто пр-ротив, кто нет. Знаю я вас! Хвосты р-распустите и кинетесь всей толпой на птенчика. Нет уж! Не трогать! И др-ругим пер-редайте.

Док посмеивался и ел, а я только переводила взгляд по залу с одного мужчины на другого и не знала, куда деваться от стыда. Хотя испытывала чувство признательности к Каррту. Пусть он и не гуманоид, но заступился ведь. С его защитой (пусть пока лишь на словах) мне будет не так страшно обживаться на корабле.

– Да чтоб тебя, Каррт! – в сердцах бросил на стол вилку сидящий с ним за одним столом мужчина со светлыми волосами. – Только у нас на крейсере появилась девушка. Такая радость, а ты все удовольствие портишь и выставляешь нас какими-то озабоченными тапинаками^[2].

– Ну что ты, Тадин, – со смехом ответил ему штурман. – Общайтесь и др-ружите с ней сколько хотите. Но! Вы меня слышали!

– Элишше, не бойся, – обратился ко мне Тадин. – Никто тебя не обидит. Мы рады, что наконец-то командор нарушил свой незыблемый принцип и пустил на крейсер хоть одну девушку. Да еще такую очаровательную. Ты если без Дока будешь приходить сюда, садись к нам с Карртом. Да и так звони по коммуникатору, мы тебе крейсер покажем и все расскажем.

– Спасибо, – кивнула я. Покосилась на Каррта, поймала его веселый оранжевый взгляд и осмелела. – С удовольствием воспользуюсь вашим предложением, если командор не запретит.

– А мы?! – послышался возглас из зала.

- Солнышко, заходи к нам в рубку!
- И к нам в лабораторию, Солнышко!
- Элишше, лучше к нам...

К концу обеда я перестала вздрагивать и пугаться каждого возгласа, Каррт и Тадин заручились моим обещанием пойти с ними на экскурсию, а Док сказал, что теперь за меня спокоен. Экипаж меня принял, пусть и на правах «птенца» Каррта, но принял. А еще стало очевидно, что позывной «Радуга» не приживется. С легкой руки (или точнее, крыла) штурмана меня стали звать Солнышком.

Из столовой мы с Сентаром выходили уже не вдвоем, а в тесной компании веселящихся парней.

Мне по большому счету делать было нечего, так как все тесты я уже прошла. Поразмыслив, собралась идти в жилой сектор, чтобы пройтись и осмотреться, что есть на той палубе, кроме личных кают. Но тут ожил коммуникатор на моем запястье.

Ответив на вызов, увидела изображение командора.

- Радуга, зайди ко мне. Помнишь, куда идти? – уточнил он.
- Да, командор. Помню. Сейчас приду.

Ниоки недовольно поморщился, и я так и не поняла, что не так сказала или сделала. Но уточнять он ничего не стал и отключился.

– Странный тип, – пожалала я плечами, активировала навигатор и отправилась «на ковер». При чем тут ковер, правда, не поняла. Так как никакого покрытия на полу в кабинете командора не было, но в мыслях родилась именно эта фраза.

– Можно? – вошла я в каюту, исполнявшую роль кабинета.

– Садись! – Ниоки указал рукой на стул и что-то набрал на своем компьютере, который на самом деле назывался информационным блоком. Кстати, экран оказался сенсорным. – Док прислал мне результаты тестов.

– И? – присев, осторожно уточнила я.

– Тебе есть что добавить от себя?

– Не знаю. Пожалуй, я склонна согласиться с тем, что мне озвучил Сентар. Наверное, я действительно творец. Только не имею понятия, чем занималась в прошлой жизни.

– Твои рисунки я уже видел. Очень неплохие, должен сказать, – хмыкнул командор, вероятно вспомнив мой шарж. – Давай так. Я приму тебя на работу в качества штатного художника на испытательный срок. Скажем, на один месяц. Должности такой, правда, в экспедиционном корпусе нет, но это не означает, что я не могу ее ввести. Согласна?

– Да, – кивнула с готовностью. Еще бы я не была согласна! Мало того что не выкинут где-нибудь на неизвестной планете, так еще и зарплату будут платить.

– Отлично! – Мужчина начал что-то печатать на своем экране, продолжая говорить: – Я открываю тебе банковский счет, на который сейчас переведу аванс. За этот месяц ты должна будешь нарисовать все, что потребуется. Определись и сообщи мне, что тебе понадобится для работы. Краски? Кисти? Бумага? Или, может, ты рисуешь на графических планшетах? Реши и сообщи мне завтра-послезавтра, надо ввести в бюджет эту статью расходов.

– Хорошо, – еще раз кивнула, судорожно пытаюсь сообразить, как же я рисую. Красками? Или карандашами? Умею ли пользоваться планшетом для рисования? – А когда можно их получить?

– Через четыре дня мы будем в системе Сегин. Возьму тебя с собой на планету, и ты на месте определишься, что именно тебе необходимо для работы.

– Ладно, – согласилась я, мысленно вопя от восторга. – Скажите, а как называются приборы, которыми делают голограммы?

– Так и называются, голограферы. Зачем тебе?

– Акир, а у вас случайно его нет? Мне было бы интересно сделать несколько голограмм. Тут столько колоритных... эм-м... членов экипажа.

– У меня нет, но есть у второго пилота. Он детям передает различные виды с других планет.

– А как его найти? – сделала я стойку.

Ниоки некоторое время пристально на меня смотрел, а потом включил свой наручный коммуникатор.

– Командор? – раздался оттуда голос.

– Рокхад, скажи-ка, у тебя голографер в рабочем состоянии?

– Да, командор. Тебе нужно что-то снять?

– Не совсем. Я к тебе сейчас пришлю нашего штатного художника. Покажи-ка ей свой голографер и объясни, как он работает.

– Хорошо, пусть Солнышко приходит, – со смешком ответил невидимый мне Рокхад.

– Солнышко? – У командора взлетели брови, что придало ему крайне забавный вид: кошачьи уши торчком, высоко поднятые брови и явное удивление на лице.

– Так ты же про Элишше? Ее сегодня во время обеда в столовой с подачи Каррта Солнышком прозвали. Он всем заявил, что она – птенец, потому что оранжевая, как птенец надежды, и взял ее под свою опеку. Пообещал любому, кто к ней сунется с эротическими намерениями, оторвать половые органы. А корабль теперь гудит, только и слышно – Солнышко то, Солнышко это... Всех распирает от любопытства.

– Каррт может, – задумчиво обронил Акир, взглянув на меня. – В общем, жди... Солнышко. Пусть попробует, а экипажу я сейчас объявлю, что разрешил ей всех вас снимать. За снимками пусть приходят ко мне.

– Смеешься?! – гулко захохотал Рокхад. – Тебя же все боятся. Если и пойдут посмотреть, что получилось, то к самой Элишше.

Я скромно опустила взгляд, представив наплыв желающих пообщаться со мной под предлогом – посмотреть, что же я там наснимала. Похоже, командору тоже пришла в голову эта мысль.

– Разберемся, – сухо ответил он и прервал связь.

Какое-то время мрачно меня разглядывал, а потом хмыкнул:

– Солнышко? Тебе идет, такая же огненная. Ладно, меняем позывной. Солнышко так Солнышко. Все равно теперь «Радугой» тебя никто звать не будет, раз уж Каррт дал прозвище. Иди!

– А... мне потом показывать вам то, что я наснимаю?

– Разумеется, – поморщился он и принял. – Иди уже! От тебя так пахнет, что невозможно вынести. И сделай одолжение, без острой нужды ко мне не суйся.

– Ладно, – обиделась я.

– Да иди же ты!

Я вскочила и бегом бросилась к выходу, вылетела в коридор и затормозила, только отбежав на несколько метров. Чего же он такой нервный-то? Так напугал, что я даже не успела спросить – куда идти и где искать хозяина голографера. В ответ на мой немой вопрос запиликал коммуникатор. Ответив, я увидела командора, взирающего на меня с иронией.

– Куда идти – знаешь?

– Нет, конечно, – ответила очевидное.

– А чего сорвалась тогда?

– Так вы же...

– В навигаторе выбери функцию поиска членов экипажа. Введешь – Рокхад. Он один с таким именем на крейсере. – И, не попрощавшись, командор отключился.

– Спасибо! – сказала, глядя на потемневший экран.

Минуту постояла, а потом меня разобрал смех. Все происходило настолько странно и быстро, что я не успевала подстраиваться под ситуацию. Еще пару дней назад была бесправной рабыней. Затем – прощалась с жизнью среди песков Шандиры, оплакивая погибшую Лиллуку.

И вот уже неизвестно куда лечу на огромном межзвездном крейсере в составе научной экспедиции. Да еще умудрилась стать штатным художником. А командует мною мужчина скошачьими ушами и хвостом. И я этого конкретного мужчины до дрожи боюсь, причем совершенно иррационально, ведь он не сделал мне ничего плохого, наоборот, по-своему опекает. Но... наверное, Алилее удалось меня запугать, создав ниоки определенную характеристику, вот отсюда и этот страх. Все жду, когда же вылезет та самая «жестокость».

Все те эмоции, которые я тщательно гасила в душе во время жизни в рабстве, начали проявляться вновь. Это там я, решив в какой-то момент, что лучше впасть в некое подобие эмоциональной спячки, чтобы не сойти с ума от безысходности и отчаяния, была отрешенной и отстраненной. Иначе не смогла бы выжить. А сейчас вдруг оказалось, что я умею смеяться и нахожу к этому поводы, подмечая разные нелепости. Ощущалось это так, словно я выходила из анабиоза. Душа оттаивала и требовала... Да всего она требовала. Творить. Работать. Постигать новое. Дружить.

И самое главное, я больше не чувствовала себя вещью. Да, я по-прежнему ничего не помнила о своем прошлом и не знала своего настоящего имени. Но стали всплывать какие-то отдельные фразы, ассоциации, и они явно были тем, что я когда-то знала. И Лиллуко обещала, что однажды память вернется. Поэтому я решила верить и ждать!

Милая, милая Лиллуко! Спасибо тебе! За все! Я обязательно доберусь до твоей родной планеты, найду твою семью и передам им твои останки.

Добравшись до местонахождения Рокхада, я замерла перед переборкой, дернула дверь... Мой коммуникатор тут же пискнул, высветилась надпись: «Доступ запрещен». Та-ак! Ладно, пойдем другим путем. Нашла список экипажа, выбрала там Рокхада и позвонила ему.

– Да! – рявкнул мужской голос, и спустя мгновение появилось изображение второго пилота. – А-а, Солнышко! Входи.

– Не могу. Мне доступ запрещен.

– Понял, сейчас! – И он отключился.

Через несколько секунд дверь открылась, и передо мной возник высоченный широкоплечий мужчина. На голове вместо волос – толстые роговые пластины, наслаивающиеся друг на друга. Темно-карие глаза; высокий лоб переходил в прямой нос, создавая прямую линию профиля. Почему-то подумалось, что такой профиль нужно чеканить на монетах. К чему бы это?

– Мне командор уже все сказал, так что голографер я подготовил. Ты как? Умеешь им пользоваться или научить? – Он пошел внутрь, и я последовала за ним.

– Научить. О-о-о! Какой вид! Ой, привет всем.

Я очутилась в служебном помещении. Прямо впереди открывался ошеломляющий вид на звезды, настолько захватывающий дух, что я не сразу заметила, что мы здесь не вдвоем. На мой возглас обернулось сразу несколько мужчин, сидящих за пультами перед экраном во всю стену.

– Привет!

– Привет, Элишше!

Некоторых из них я уже видела в столовой, поэтому сейчас только улыбалась и кивала. Это я в рубке управления? А мне командор голову не открутит за то, что я сюда вошла? Ведь доступ запрещен...

Именно этот вопрос я задала Рокхаду, когда он вернулся с черной коробкой на длинном широком ремне.

– Не открутит. Он, конечно, строгий, но сам же предупредил, что ты придешь. Значит, в курсе. Смотри сюда! – Он бережно вложил мне в руки голографер и стал показывать, как им пользоваться. – Глядеть сюда, настраивать вот тут и тут, регулировать приближение – вот так. Как выберешь объект, находишь нужный ракурс, жмешь сюда и удерживаешь до щелчка. Поняла?

– Поняла! А вспышка?

– Тогда пробуй. Здесь такая светочувствительность, что вспышка не нужна. Но учти, у меня самая простая модель, без дополнительных телескопических объективов и без функции просмотра получившейся голограммы в 3D-объеме. Детишки и таким простым картинкам рады, а всерьез я голографией не увлекаюсь. Потом необходимо сливать снимки в информационный блок и уже там просматривать, отбирать понравившиеся и редактировать.

– Ничего-ничего, мне для начала и этого хватит. А на чей информационный блок я могу потом слить результаты? У меня в каюте есть только планшет.

– Ну, – поскреб ногтями Рокхад по бронированной макушке, – можно на мой. Или на блок командора. Нет, лучше на мой. Мне ведь интересно. Давай пока поснимай тут, если все будет в порядке, отправишься гулять по кораблю. А вечером посмотрим, что у тебя получилось.

– Спасибо, Рокхад! – расплылась я в улыбке. – Я в благодарность потом твой портрет нарисую. По старинке, карандашом на бумаге.

– Договорились, – гулко хохотнул мужчина, махнул мне рукой и прошел к пустующему креслу.

На меня тут же все перестали обращать внимание, а я еще раз прокрутила в памяти только что полученную инструкцию. Все было просто. Да и на вид аппарат казался совсем не сложным. Черный куб со скругленными углами и ребрами. Половину задней части занимал экран, а в нижней части располагалась панель управления. Спереди выезжал объектив. По бокам два выступа, позволяющих удерживать этот куб в руках. Вот и все устройство.

Сделала на пробу несколько снимков, чтобы убедиться, что все правильно поняла, заодно привыкая к весу голографера. Ух! Что бы мне сейчас снять-то?! Я окинула хищным взглядом мужчин, не обращавших на меня внимания. Так-так! Все как один колоритные, и все – разных рас.

Подкралась сбоку и стала присматриваться. Один из них, симпатичный ританин, бросил на меня быстрый взгляд, подмигнул и тут же вновь вернулся к своим приборам. А я решила.

Выжидала, когда объекты моей голоохоты меняли выражения лиц, подлавливала их эмоции. Стараясь не привлекать внимания, чтобы не отвлекать от работы, снимала нахмуренные брови, задумчивость, сосредоточенность...

Когда поняла, что тут больше делать нечего, тихонько прошла к двери и вышла в коридор. С выходом проблем не возникло, замок послушно щелкнул, выпуская меня. А затем отправилась блуждать по кораблю без какой-либо упорядоченной системы. Просто шла и снимала всех встречных. Кто-то улыбался и подмигивал, кто-то недоуменно вздрагивал, кто-то сердито хмурился... Последним я сообщала, что получила высочайшее разрешение, и все голограммы потом можно будет увидеть у Рокхада или у командора. Процесс меня увлек настолько, что, когда раздался сигнал наручного коммуникатора, что пришло время ужина, я даже не поверила. Какой такой ужин?! Я ведь только начала!

В столовую отправилась вместе с новой игрушкой. Пожалела тратить время и идти сначала в свою каюту, тем более что в столовой столько народа... Может, еще поймаю интересные лица.

Первой жертвой стал Каррт. Набрав себе на поднос еды, я уверенно направилась к его столику и попросила разрешения присесть. Синий птиц обрадованно кивнул и немедленно

поинтересовался, чем я занималась весь день и для чего таскаю с собой голографер. А я, после того как рассказала, попросила разрешения его запечатлеть. Потом к нам подошел Тадин, и все повторилось.

Так что, покончив с едой, мы втроем отправились в кают-компанию, где я сделала несколько снимков обоих штурманов, а заодно еще нескольких парней, заглянувших любопытствовать, чем это мы занимаемся.

А потом карта памяти голографера совершенно неожиданно оказалась заполненной, и я отправилась искать Рокхада.

– Ну как? – с любопытством спросил меня второй пилот, когда я возникла на пороге его каюты.

– Отлично! – с улыбкой ответила я. – Можно теперь все слить на инфоблок и просмотреть, что получилось? А то карта памяти уже полная.

– Ну ты даешь! – присвистнул он. – Это ж как ты умудрилась всю карту заполнить?

Я смущенно пожала плечами и прошла в каюту. Она была ощутимо больше моей, а на столике в углу красовался такой же сенсорный экран с выносным блоком, как в кабинете командора. Да и вообще, сразу было видно, что здесь живут уже давно. На стенах голограммы улыбающихся малышей с головами, покрытыми костяными наростами. На нескольких снимках – симпатичная женщина, вероятно, жена пилота. На экране иллюминатора – виды природы неизвестной мне планеты. Да и ярких красок тут хватало, в отличие от моей убогой серой норы.

Пока я осматривалась, Рокхад уже подсоединил голографер к инфоблоку и перелил содержимое карты памяти.

– Элишше, – окликнул он меня. – Иди просматривай и стирай лишнее. А то, что понравится и захочешь сохранить, перемещай в отдельную папку.

– Есть! – с энтузиазмом отозвалась я и уселась в предложенное кресло.

От экрана оторвалась спустя пару часов. Хозяин каюты сначала стоял рядом, но потом ему надоело, он ушел к койке и уткнулся в электронный планшет.

– Рокхад! – позвала я его. – Будешь смотреть? Тут и твои голограммы есть.

– Спрашиваешь! – хохотнул мужчина и подошел ко мне. – Ну-ка, ну-ка... Ого, как много. Я быстро все не просмотрю.

– А давай я тебе все оставлю, ты спокойно посмотришь, а я к себе пойду отдыхать. И командору перешли эту папку, пожалуйста, он велел. Я голографер заберу? Завтра еще им воспользуюсь?

– Да-да, – пробубнил он, углубившись в просмотр изображений.

Я еще несколько минут постояла рядом, наблюдая за мимикой штурмана и пытаюсь понять, нравится ли. Хотела даже что-то спросить, но, кажется, он про меня забыл. Поэтому я прихватила голографер и тихо ушла. А уже из своей каюты отправила командору текстовое сообщение, что с заданием разобралась, результаты работы за сегодняшний день у Рокхада. И с чистой совестью пошла в душ, а потом спать.

Среди ночи меня разбудил писк наручного коммуникатора, который я оставила на столе. Встав с постели, добрела до него и активировала. Мало ли что там такое случилось. Но оказалось, пришло текстовое сообщения от Рокхада, которое гласило: «Потрясающе!»

Утром до завтрака я успела по памяти набросать портрет Каррта. Очень уж у него интересная внешность. А в итоге заработалась так, что забыла найти в справочнике рас информацию о том, к какому народу принадлежит Рокхад. Но, рассудив здраво, решила, что

проще сначала у него спросить об этом, а потом уже искать подробности.

В столовой уже было полно народа. Когда я вошла, все замолчали и принялись пристально меня рассматривать. Я поежилась под этими взглядами, перебросила пышную косу назад и с прямой напряженной спиной направилась к раздатчику еды. Чего они так смотрят? Я что-то не то вчера сделала?

В такой же тишине поискала взглядом свободный столик, прошла и села. Под столь пристальным вниманием кусок в рот не лез, но я честно пыталась есть, не поднимая глаз, и едва не подавилась от неожиданности, когда на свободный стул присел незнакомый мне мужчина.

– Элишше?

– Да? – ответила, прокашлявшись.

– Это действительно твои голограммы? Ты делала?

– Эм-м... – протянула я в замешательстве. – Ну я вчера действительно делала снимки. Мне Рокхад дал напрокат свой голографер. А вы откуда про них знаете?

От волнения я начала ему «выкать», хотя Док меня уже просветил, что это не принято. Все обращались друг к другу на «ты».

– Да все уже видели. Значит, у тебя действительно нет своего голографера, но ты его очень хочешь?

– Д-да. Нет, но хочу. – Я осторожно оглянулась и увидела, что к нашему разговору прислушиваются сидящие за соседними столиками парни.

– Отлично, тогда я пошел. Переведу. – Мужчина встал и отправился к выходу, а я как дурочка смотрела ему в спину, совершенно не понимая, о чем вообще речь.

Пожав плечами, отпила чая, и тут на освободившийся стул присел другой член экипажа.

– Солнышко, а меня снимешь? Я невесте пошлю свой портрет, – с улыбкой спросил меня ританин, которого я вчера уже видела здесь во время обеда.

– Ладно. А куда мне подойти? Ты где работаешь?

– Я механик с нижней палубы. Только тебе туда, наверное, нельзя. Давай перед обедом в кают-компанию? Кстати, я – Мирад.

– Очень приятно, Элишше. Только, Мирад, если в кают-компанию – это будет постановочный портрет. Не такая живая и непосредственная голограмма, как те, что я делала вчера. Если ты хочешь такую же, то мне нужно будет ловить момент, пока ты работаешь. Если командор разрешит, я спущусь к вам на палубу.

– Понял! Тогда давай сначала портрет, я его сразу же отправлю невесте. А потом, как у тебя будет время, сделаешь мне такие же живые снимки, как вчерашние. Мне понравились!

– Ладно, – кивнула я. – Тогда встречаемся перед обедом.

– Договорились, Элишше. Я приведу себя в приличный вид и приду! А сейчас пойду и перешлю тебе кредиты. – Он помахал мне рукой и тоже ушел.

– Чего? – пролепетала, чувствуя, что я тут единственное существо, которое не понимает, что происходит.

Когда напротив меня присел третий посетитель, я уже не знала, что и думать. Разговор повторился. Потом еще с одним, и еще с одним, и со следующим... В итоге получилось, что мне нужно идти в кают-компанию уже сейчас, чтобы успеть снять постановочные портреты всех, кто изъявил желание их получить.

Сбегав к себе в каюту за голографером, я направилась к месту встречи. Вошла и замерла на пороге, пытаясь понять, что же рассматривает целая толпа в дальнем углу помещения. Любопытство победило робость, и я направилась туда, где кучно стояли мужчины и что-то обсуждали. При моем приближении они раздвинулись, и я увидела...

Оказывается, на большом экране шло слайд-шоу моих вчерашних работ. Лица сменялись одно за другим, а сверху над ними располагалось объявление, гласившее:

«Работы нашего нового штатного художника. При желании получить файл со своими голограммами можно у второго пилота Рокхада или у командора. Для этого необходимо отправлять письменный запрос по коммуникатору. Для желающих отблагодарить художника за ее талант и стимулировать к новым работам: можно перевести некоторую сумму на ее счет, чтобы она приобрела себе личный голографер. Номер счета...»

– О-о-о! – оторопело протянула я.

– Солнышко, я тоже перевел, – хлопнул меня по плечу высоченный парень той же расы, что и Рокхад. – Ты молодец! Замечательно меня вчера поймала.

– Ну... Тогда начнем? – обвела я вопросительным взглядом присутствующих.

В тот же день по приказу командора меня переселили в другую каюту, в которой имелся стационарный информационный блок. Имущества у меня почти не было, так что переезд прошел легко и быстро. Прихватила стопочку вещей, стальную банку, голографер и проследовала за Майки, который уже отработал свой внеплановый наряд. Я чувствовала себя немного неловко, ведь его наказали из-за меня, пусть моей вины в этом не было. Но парень вел себя непринужденно и, похоже, не считал, что я перед ним в чем-то виновата.

Новая каюта оказалась такой же, как у Рокхада, и я сделала вывод, что меня перевели сюда, так как приняли в штат на не самую низшую должность. Это приятно грело душу. Майки на этот раз был предусмотрительнее и провел для меня полный инструктаж и экскурсию, показав все, что тут имелось. Собственно, здесь было все то же самое, только ощутимо просторнее, добавился стол с инфоблоком, а электронный планшет оказался более поздней модели. Это по словам Майки, а по мне, так и тот прежний был вполне хорош. Уже потом я обнаружила, что в этой модели есть специальная программа, в которой можно рисовать. Не полноценный графический планшет, но неплохая замена для неспециалистов.

Вечером пообщалась с хозяином голографера по коммуникатору. Уточнила, не слишком ли я наглею, ведь уже второй день пользуюсь его аппаратом. Услышала, что, мол, никаких проблем, и он рад, что смог помочь мне проявить свои таланты. Так что могу работать. А как только наберется сумма, достаточная для того, чтобы приобрести себе собственный, тогда и верну. И поинтересовался, как пополняется счет. Я глупо похлопала ресницами и сказала, что понятия не имею. Рокхад посмеялся и объяснил, как войти и посмотреть. Оказывается, это была его идея – чтобы экипаж скинулся мне на собственный аппарат. Командор был против, но второй пилот его убедил, объяснив, что такая хрупкая и капризная вещь, как голографер, должна быть личной, а не казенной. Кроме того, он сообщил Акиру, как много дополнительных насадок и объективов понадобится профессионалу. Командор махнул рукой и открыл отдельный счет на мое имя, специально для пожертвований на благо моего таланта. А в конце разговора Рокхад намекнул, что рассчитаться с ним я могу обещанным рисунком.

Следующие дни у меня оказались загружены под завязку. До обеда я занималась постановочными портретами в кают-компани. После обеда бродила по крейсеру и делала стихийные снимки. Потом заливала результаты голоохоты в инфоблок и отбирала самые удачные работы, безжалостно стирая те, которые показались мне некачественными или скучными. Отправляла папку с ними командору и Рокхаду и переключалась на планшет и бумагу, восстанавливая, точнее, вспоминая забытые навыки.

На бумаге все получалось легко. Рука у меня явно была набита, и за один вечер я нарисовала весьма неплохой, даже на мой собственный критический взгляд, портрет Рокхада. Сообщила ему об этом по коммуникатору и ничуть не удивилась, когда через два часа он сам за ним пришел, не пожелав ждать до утренней встречи в столовой. Второй пилот был в восторге. Так хвалил, что я не знала, куда деваться от смущения.

Стоит ли говорить о том, что во время завтрака все уже были в курсе происшедшего, видели этот портрет и желали такие же? У меня появился «лист ожидания» длиной в целую жизнь... А запросы на коммуникатор все приходили и приходили.

С командором я в эти дни больше не беседовала. Все, что мне было необходимо

спросить или сообщить, писала ему в текстовых сообщениях. Хотя издали видела Акира неоднократно. Мне патологически не везло, и я постоянно оказывалась там, куда спустя недолгое время приходил и он. Если бы это не было сущим бредом и абсурдом, я бы заподозрила, что он за мной следит и преследует. Но так как я хорошо помнила его приказ держаться от него подальше, то, как только вдалеке показывалась высокая широкоплечая фигура с торчащими вверх ушами, тут же сворачивалась и удирала из этого места, чувствуя спиной его пристальный взгляд. Было неловко, но... очень уж мне тут нравилось. Не хотелось провоцировать главу крейсера на гнев или агрессию. А то еще передумает и оставит меня на планете в системе Сегина. А я хотела с ними в экспедицию!

Да и вообще! Что-то в глубине души (генетическая память, не иначе) кричало, что от начальства нужно держаться как можно дальше. Периодически вообще всплывала какая-то загадочная фраза про «барский гнев и барскую любовь»^[3]. Что такое «барский», я не знала, а в словаре объяснение отсутствовало.

Отловил меня командор вечером накануне прибытия в систему Сегин. Причем именно отловил, потому что как раз перед этим я сбежала, заметив его на нижней палубе. Сейчас же я снимала на голографер Мирада и его напарников, а потом заметила на противоположном конце ангара такую знакомую хвостатую фигуру. Тут же подобралась, быстро попрощалась с парнями и по стеночке, прячась за стоящими тут в большом количестве механизмами, пробралась к выходу.

Насмешливый голос Акира застиг меня врасплох, когда я уже выскользнула в коридор, но еще больше напугало прикосновение к плечу.

– Элишше? – с непередаваемой интонацией позвал меня ниоки. – Ты куда-то спешишь?

– Нет, командор. – Вздохнув, я обернулась.

– Ты поистине неуловимое существо. Только что была тут – и уже нет, умчалась.

– Э-э-э... – начала я подбирать слова, чтобы объяснить свои передвижения. – Волка ноги кормят, вот я и передвигаюсь по кораблю. Туда – сюда. Сюда – туда...

– Я так и понял, – хмыкнул он. – Как успехи?

– Неплохие. Я уже многих запечатлела. Народу нравятся получаемые голограммы, так что я выполняю заказы. Наверное, у меня хорошо получается, – сказала и скромно опустила ресницы.

– Я бы сказал – очень хорошо. Ты действительно молодец, и у тебя определенно есть талант. Не знаю, какой ты художник, но голограммы ты делаешь замечательные.

– Спасибо, – расплылась я в улыбке.

– Счет проверяла?

– Да, мне Рокхад объяснил как. Там уже что-то накопилось, только я не знаю, хватит ли этого на голографер.

– Если не хватит, добавлю, – отмахнулся от меня Акир. – Тебе в любом случае еще необходимы графический планшет и всякие ваши художественные штучки. Мы бы так и так приобрели голографер, но Рокхад сказал...

– Да, он мне объяснил, – кивнула я. – Знаете, думаю, он прав. На нем ведь нужно выставлять настройки, да и подбирать его лучше не только по техническим характеристикам, но и по внешним габаритам. Слишком большой я не смогу удерживать в руках, а из-за этого... – с воодушевлением начала говорить я.

– Вот только избавь меня от подробностей, – махнул хвостом брюнет, да так сильно, что стеганул меня по ногам.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Слова из песни «Из-за острова на стрежень». Слова Д. Н. Садовникова. – Здесь и далее примечания автора.

Т а п и н а к – млекопитающее из семейства грызунов. Обладает полным овальным телом около двадцати сантиметров в длину. Имеет пушистый густой мех, широкие длинные уши, хвост, по длине равный телу, и короткие лапы. Живет в норе. Обитает на многих планетах Объединенного Союза. Из-за своей повышенной плодовитости (одна самка за год рождает до шестидесяти детенышей) его название стали использовать как имя нарицательное, служащее символом распутства.

«Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». А. С. Грибоедов
«Горе от ума».